

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

МЕРТВАЯ ФАМИЛИЯ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Мертвая фамилия (сборник)

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Мертвая фамилия (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-75691-9

В Москве убит высокопоставленный чиновник Вадим Волошин – отравлен сильнодействующим ядом. Через несколько дней в уличной драке погибает сын Волошина Сергей, а спустя буквально несколько часов неизвестные нападают на дочь чиновника, и той лишь чудом удается остаться в живых. Громкое дело поручают полковникам МУРа Гурову и Крячко. Следователи начинают расследование и вскоре выясняют, что яд, которым отравили Волошина, был синтезирован гениальным столичным химиком Виталием Магнитским. Препарат хранился под охраной, и доступ к нему был только у ученого. Светило мировой науки становится подозреваемым, как бы нелепо это ни звучало...

ISBN 978-5-699-75691-9

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Мертвая фамилия	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	36
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Николай Леонов, Алексей Макеев

Мертвая фамилия (сборник)

© Леонова О. М., 2014

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Мертвая фамилия

Пролог

Подходил к концу хороший весенний вечер. Одиноким, правда, как и все другие. Но его это устраивало. Он нисколько не тяготился своим одиночеством. Наоборот, оно доставляло удовольствие. Ему нравилось самому распоряжаться своей жизнью. Пусть в ней на первый взгляд не было особых развлечений, но личная свобода, которую он ценил превыше всего, компенсировала их нехватку. А развлечения никуда не денутся. Придет время, и он позволит себе все, что захочет. Нужно только немного подождать. Совсем немного.

Он потянулся к бокалу с вином, стоявшему на столике, поднял его и неторопливо сделал глоток. Хорошее вино, выдержанное, в меру терпкое. Другого он и не пил. Да и вообще почти не пил в привычном смысле этого слова. Он если и выпивал, то не бесшабашно, отдаваясь этому процессу страстно и без остатка – мозгов, морали, денег, как большинство российских мужчин. Он потреблял спиртное в удовольствие и меру знал всегда. Сколько себя помнил, ничто и никогда не заставляло его потерять голову. В нем с рождения жило нечасто встречающееся сочетание смелости и осторожности.

Он сделал еще один глоток и откинулся на спинку мягкого кресла. Негромкая музыка звучала из колонок, вокруг все дышало покоем и свободой.

Гармонию нарушил звонок в дверь – не в домофон, а именно в дверь. Он поморщился, решил поначалу проигнорировать этот раздражитель. Звонок повторился – резко, отрывисто, несколько раз подряд. От этого почему-то тонко заныло под лопаткой, как будто его ожидало что-то неприятное. Не опасное, страшное, а именно неприятное.

Он нехотя поднялся, прошел к двери и, не заглядывая в глазок, коротко спросил, кто там.

– Глеб, – раздался приглушенный голос, и он понял, что не ошибся в своих ожиданиях, что чутье, именуемое в энциклопедических словарях интуицией, в очередной раз не подвело его.

Медлить он не стал и нервничать тоже. Потому что давно был готов к этому. Спокойно щелкнул замком, потянул на себя дверь, на всякий случай прикрыв ею корпус. Глеб стоял на пороге. Его огрубевшее лицо заросло трехдневной щетиной. Он похудел, резко очертились скулы, в глазах появилось что-то новое.

– Привет, – бросил хозяин квартиры так небрежно, словно они расстались вчера, после дружеской посиделки.

Он убедился в том, что в руках у Глеба ничего нет, посторонился, однако ладонь для приветствия не протянул.

Глеб сделал вид, что не заметил этого, коротко кивнул в ответ, вошел в прихожую и стал разуваться.

Хозяин квартиры стоял рядом и наблюдал. Разувшись, Глеб бросил на него вопросительный взгляд – мол, куда мне? Он таким же кивком показал на дверь в комнату, пропустил гостя вперед, сам пошел сзади. Когда они вошли в комнату, он указал на соседнее кресло, сам устроился рядом и приподнял бутылку вина. Дескать, будешь?

Так вот, кивками и жестами, они и общались первые минуты своей встречи. Глеб предложению не внял, хмыкнул и достал из кармана плоскую бутылку водки. Хозяин подавил усмешку, принес из стеклянного бара рюмку, поставил на стол. Глеб быстро наполнил ее. Его визави взялся за тонкую ножку бокала с вином.

– За встречу, – просто сказал он и глотнул.

Глеб снова кивнул и махом опрокинул водку в рот. Не поморщился, не закусил. На столике и впрямь не было закуски, подходящей для водки, – начатая плитка швейцарского шоколада да кисть винограда. Хозяин дома водку не употреблял, поэтому и нарезать сало с огурцами не собирался, да и не держал в холодильнике ничего подобного.

Глеб почти сразу же наполнил вторую, не дожидаясь его, выпил сам, посидел немного, потом сказал:

– Пожрать бы.

Хозяин пожал плечами и спокойно сказал:

– Пошли.

На кухне он достал из холодильника готовые котлетки, поставил в микроволновку. Бутылку водки Глеб прихватил с собой и, пока еда разогревалась, несколько раз отхлебнул из горлышка. Он сел за стол и принялся жадно есть. Потом закурил, не спросив разрешения, и заговорил, пуская длинные струйки дыма. Спиртное и еда развязали ему язык.

– Вижу, ты не слишком мне рад. Но я тебя долго мариновать не стану. Что мне нужно, сам знаешь. Дай – и я уйду.

Хозяин неторопливо подошел к окну, открыл его, спокойно повернулся к Глебу, всем своим видом давая понять, что уверен в себе. Однако смутное беспокойство все же проскользнуло в груди. Он понял, почувствовал, что и Глеб его не боится. Да, видно, школа, которую окончил гость, пошла ему на пользу. Он заматерел и уже не заглядывал ему в рот. Более того, было видно, что Глеб готов сам вырвать у него изо рта то, что, как он считал, ему полагается по справедливости.

Сам же хозяин понятиями справедливости не заморачивался. Он думал. Сейчас нужно было что-то сказать, а остальное можно сообразить и потом.

– Понимаю. – Владелец квартиры склонил голову. – Но и ты меня пойми...

– Товар на месте? – резко проговорил Глеб, моментально уловив, к чему он клонит.

– Да, конечно. В надежном месте, – многозначительно уточнил его собеседник. – Но трогать его сейчас, как ты сам понимаешь, неразумно. Нужно время.

– А мне нужны деньги, – заявил Глеб. – И я никогда не поверю, что у тебя их нет. Я свою долю отработал честно.

«Вот ведь твою мать! – Хозяин дома чуть не сплюнул, настолько ему стало противно от этих речей. Честно – нечестно. Как последний дурак рассуждает! Да плевать мне, что там честно, а что нет! Дивиденды получает тот, кто умнее! Побеждает ум, а не честность. Ладно, рассудок у Глеба, конечно, имеется, но у меня его побольше. Посмотрим!»

– Сколько ты хочешь? – спокойно спросил он.

Глеб назвал сумму.

– У меня столько нет, – заявил его собеседник и пожал плечами. – Ты в своем уме?

Гость рывком поднялся со стула, приблизился к нему и хрипло сказал:

– Слушай, ты не дури! Я к тебе не для того пришел, чтобы слушать твои слезливые сказки да жалобы на нищую жизнь! Туфту не шей! Давай по-хорошему мою долю – и разбежимся. Мне с тобой видеться тоже резона нет. А товар можешь оставить себе. Потом задвинешь – все бабки твои.

«Вот же гаденыш! Нет, я знал, конечно, что встреча эта наступит, даже примерный срок. Готовился, аргументы придумывал заранее. Но все же не считал, что Глеб будет вести себя так настырно и даже выйдет из-под контроля. Раньше он ни словом мне не перечил, во всем слушался, даже на дело пошел беспрекословно, невзирая на риск. Да, недооценил я Глеба».

– Подумай, дорогой мой, – убедительным тоном заговорил он. – Ты же не дурак, Глеб! Такую сумму наличкой быстро собрать непросто. Откуда? Товаром, как ты понимаешь, я тоже пользоваться не мог. И теперь, чтобы его реализовать, нужно время и хитрый ход. В ломбард его не понесешь! – Он предупреждающе остановил движение Глеба, строго посмотрел на него

и продолжил: – У меня есть идея. Она и тебе, и мне на пользу выйдет. Но время все равно нужно, завтра не получится. Зато если выгорит, получишь даже больше.

У Глеба загорелись глаза.

«Огонек жадности, такой знакомый мне! – подумал хозяин квартиры. – Раньше его не было, а сейчас вот появился. Что ж, эту человеческую слабость тоже можно обратить себе на пользу. Тут уж как повернуть. Все с умом нужно делать».

– Только и тебе придется поучаствовать. Да не бойся! Никакого риска. Мне, правда, детали еще обдумать надо. Пока только приблизительно расскажу...

Глеб слушал внимательно, ни разу не перебил.

Потом он коротко сказал:

– Спалимся!

– Да ни разу! – ответил его собеседник. – Дело верное, а мы оба в стороне. Сам не лажаешься – не спалимся.

Глеб сидел и молчал. Потом он посмотрел на хозяина дома. По его глазам тот увидел, что гость готов согласиться.

– Бабки мне все равно нужны, – заявил Глеб. – В карманах ветер гуляет.

– Хорошо, – сказал его собеседник, ушел в комнату, не боясь, открыл шкафчик, где хранились деньги, и отсчитал несколько крупных купюр.

Пусть Глеб думает, что он ему доверяет, не скрывает ничего.

– Мало, – заявил гость, стоя у двери, когда он протянул ему пачку.

Затем он сел на диван, вальяжно развалился и заговорил:

– Мне хата нужна – раз. Прикид новый – два, тачка – три. А дальше на расходы. То, что ты затеял, денег требует.

Хозяин дома стиснул зубы и подумал:

«Ничего, ладно. Жадничать я не стану. Можно пожертвовать малой частью, когда на кону неплохой куш. Сейчас надо соглашаться на все условия Глеба, потому что мне одному это не проверить. Помощник обязательно нужен, а Глеб в данном деле – лучшая кандидатура. Даже хорошо, что так все повернулось. Очень даже неплохо. Верно люди говорят. Что ни делается – все к лучшему».

– Хорошо, – сказал он. – Все тебе будет. На первое время хватит, а я пока обдумываю детали. Телефон у тебя есть?

– Откуда? – осведомился тот и криво усмехнулся.

– Купи обязательно. СИМ-карту я тебе сам дам. По этому номеру будем созваниваться. Как только все будет готово, я с тобой свяжусь. Все.

Глава 1

Вадим Юрьевич Волошин открыл глаза, машинально потянулся к сотовому телефону, лежавшему под подушкой, и, подслеповато щурясь, посмотрел на экран. До сигнала будильника оставалось двенадцать минут. Вадим Юрьевич полусонно потыкал пальцем в сенсорные кнопки, отключая его. Он уже знал, что больше не заснет, и не беспокоился, что опоздает на службу. Ему не хотелось, чтобы звонок разбудил жену.

Он повернул голову. Елена лежала рядом и ровно дышала во сне. Легкая простыня, которую она накинула на себя с вечера, наполовину сползла, обнажились нога и часть тела. Вадим невольно задержал на ней взгляд. Что и говорить, Елена была хороша. Впрочем, во многом это обуславливалось ее молодостью. Ей было двадцать семь лет, в то время как ему через полтора месяца должно было исполниться пятьдесят. Он уже потихоньку начал готовиться к этой дате.

Их с Еленой брак был заключен два года назад. Развод с первой женой прошел на удивление спокойно, несмотря на четверть века, прожитые вместе, и наличие двоих детей, сына и дочери, которые по возрасту были не столь далеки от Елены. Сережа месяц назад отпраздновал двадцать один год, а Даша так и вовсе подошла к двадцати пяти и собралась замуж. Да!..

Волошин откинулся на подушку и заложил руки за голову. Все эти мероприятия вконец влетят, конечно, в копеечку. Сам он вообще отметил бы свой юбилей скромно, в кругу домашних, но Елена настояла на том, что торжество должно быть пышным.

«Положение обязывает, Вадик!» – чуть виновато разведя руками, проговорила она, когда показывала ему предварительный список гостей, блюд, а также сценарий предстоящего мероприятия.

Он видел, что ей самой хочется отпраздновать все широко, с размахом. Что она горда тем, что ее муж занимает приличную должность в департаменте, и чествовать его соберутся далеко не последние люди в столице.

Ее настроение невольно передалось ему, и он махнул рукой. Мол, делай как знаешь. Глаза Елены мгновенно засияли, она чмокнула мужа в щеку и помчалась с утроенной энергией организовывать подготовку к празднику.

Дел оставалось еще очень много. Нужно было успеть заранее заказать зал в ресторане, именные открытки для приглашенных, продумать ход торжества, костюмы. Словом, для женщины это было куда как проще и понятнее, чем для мужчины. Вадим Юрьевич был благодарен жене за то, что она взяла все хлопоты на себя. А деньги – да бог с ними! В конце концов, мало он заработал, что ли? И еще заработает!

А уж насчет Дашки и вовсе скупиться не стоит. Девчонка вуз окончила с красным дипломом, на работу устроилась – умница, одним словом. Пока ее сверстницы из постели в постель перескакивали, детей рожали да абортывали, Даша училась. Личная жизнь у нее была где-то даже не на втором, а на третьем плане. На подобные глупости у дочки времени не оставалось.

Да еще и здоровье, конечно, мешало. Точнее, его состояние. Теперь уже и не установишь, почему девочка родилась с больным сердцем. Они с женой тогда приложили уйму средств, чтобы ее выводить. Врача даже частного наняли, чтобы персонально Дашей занимался. Услуги его, разумеется, влетали в копеечку, но Волошин не жалел.

Сурен Саркисов свое дело знал хорошо, Дашу любил, да и к остальным членам семьи относился очень доброжелательно. Как профессионал, свои деньги он отрабатывал на все сто. Правда, после ухода из «старой» семьи Волошин к его услугам уже не прибегал и даже с Еленой не знакомил. Черт знает, неловко, что ли, как-то было. Сурен остался при Людмиле и детях, как бы перешел к ним, словно семейное достояние.

Вадим Юрьевич и потом не жалел денег ни на лекарства, ни на заграничные санатории. Поставили девочку на ноги, живет теперь как нормальный человек, только беречься, конечно, надо. Не нервничать ни в коем случае, не переутомляться. Но Дашка молодец, держится!

Мелькали у нее, конечно, периодически какие-то мальчишки, но все это было несерьезно. Вадима Юрьевича даже радовало, что дочь не спешит связывать себя узами брака.

«Ничего, – думал он, – повзрослеет, ума наберется, опыта жизненного, тогда и замуж можно. А если и не выйдет, тоже ничего страшного».

Правда, Людмила – первая жена, мать Даши, – придерживалась иного мнения. Даже была тревогу, что дочь так и останется одна. И с ним, Вадимом, не раз на эту тему заговаривала. Прямо она не упрекала, но он чувствовал в глазах экс-супруги немой укор, словно это из-за него, точнее, из-за его ухода из семьи дочь не может выйти замуж. Дескать, негативный опыт матери прочно запечатлелся у нее в подсознании, и теперь она сама боится стать брошенной женой.

С Людмилой понятно. Она психолог по образованию, всегда страдала подобными заморочками. По мнению Вадима Юрьевича, все это была чушь собачья. Просто не пришло еще Дашкино время, не встретился подходящий человек. Лучше подождать, чем выскакивать за кого попало, а потом локти кусать. Еще неизвестно, что лучше – остаться одной, брошенной или вот так маяться всю жизнь рядом с чужим человеком. Он сам так жил несколько лет, поэтому знал суть.

Изначально они с Людмилой поженились без любви. Точнее, любовь была. Но лишь с ее стороны. Нет, нельзя сказать, чтобы он не любил Людмилу или тем более что она была ему неприятна – отнюдь. Он относился к ней с симпатией, бережно. Очень уважал, тем более что мать и жена из нее получилась практически идеальная. Она заботилась о детях и муже, оставила ради этого любимую работу, когда родился Сережа, а муж пошел на повышение. Людмила никогда не ругалась, не кричала, вела себя интеллигентно. Словом, уважал он ее искренне. Но вот влюбленности, страсти, чего-то такого, что заставляет кровь бурлить в жилах и кружить голову, не было никогда.

В последнее время он и вовсе воспринимал ее как сводную сестру, но не уходил по многим причинам. И из-за детей, которые, скорее всего, приняли бы сторону матери, и из-за скандала с родителями Людмилы, который неизбежно возник бы. Мать ее, доцент кафедры музыковедения, всю жизнь преподавала в консерватории. Отец был профессором ядерной физики.

Эти люди крутого нрава и железобетонных принципов никогда не поняли бы его поступок. Уйти из семьи для них считалось делом позорным, недостойным, порочащим не только самого беглого мужа, но и его брошенную жену. К тому же тесть всегда разговаривал с зятем покровительственно. Даже когда тот стал крупным чиновником департамента по развитию малого и среднего бизнеса, профессор посматривал на него несколько снисходительно, словно напоминал этими взглядами, чем Вадим ему обязан.

Возможно, он так и терпел бы, стиснув зубы, если бы не встреча с Еленой. Молодая, живая, веселая, она словно вернула Вадима Юрьевича в его прошлое, окунула в молодость, которая вроде бы забылась, прошла безвозвратно. Он позволил себе окунуться, с головой уйти в это чувство, нахлынувшее напоследок, возвратившее его в другой мир, наполненный не рутинной скукой, а яркими красками, новыми событиями и главное – перспективами.

Если в браке с Людмилой все уже воспринималось в прошедшем времени, то с Еленой лучшее, как в детской песенке, было впереди. Она доказала ему, что жизнь может начинаться не только в сорок лет, но и тогда, когда тебе уже за пятьдесят. Вадим Юрьевич воспрянул духом, расправил плечи и искренне поверил в то, что наступила лучшая часть его жизни.

Он, кстати, надеялся на рождение ребенка в новой семье, однако эту идею Елена воспринимала с прохладцей, ссылаясь на то, что совсем недавно переболела воспалением легких.

Поэтому ее организму требовался длительный период для восстановления. А Вадим Юрьевич и не торопил. Куда теперь было спешить, когда вся жизнь впереди?

Возраст его не пугал. Елене было двадцать семь – еще сто раз сумеет родить. А его собственные годы вообще роли не играли. Мужчине никогда не поздно стать отцом, было бы здоровье, а на него он не жаловался. У Вадима Юрьевича уже было двое взрослых детей, но он хотел завести еще одного – от Елены, разумеется.

А с Дашкой отец оказался прав. Нашелся и для нее человек. Пусть и не красавец, но отношение у него к ней бережное и серьезное, сразу видно. Он, правда, постарше, но это даже к лучшему. Самостоятельный человек, художник, приехал из Твери, открыл здесь собственную студию по дизайну интерьера. Звезд с неба не хватает, но вполне обеспечен. А главное, не морочил девчонке голову, через два месяца после знакомства предложение сделал, хотя о состоянии ее здоровья все знал.

Дашка сама ему сразу рассказала и предупредила, что с детьми могут быть сложности. По-хорошему, не надо бы ей вовсе рожать.

А он просто сказал в ответ: «Значит, не судьба. Но ведь двое – это тоже семья».

В общем, за Дашку Вадим Юрьевич теперь был спокоен. Но если с дочерью отношения у него сложились самые теплые, то с сыном, к сожалению, все было не совсем так. Да что там душой кривить перед самим собой – совсем не так! Сейчас и не вспомнишь, пожалуй, когда у них начались первые расхождения. Давно, когда Сережке было лет шестнадцать. Парень тогда совсем распустился – учебу забросил, покуривать начал, лицей прогуливал. Друзья какие-то сомнительные у него появились.

Однажды парень даже в полицию загремел. Дело, правда, банальное, но срок светил сыночку хоть небольшой, зато вполне реальный. Вадим Юрьевич тогда поначалу взъерился так, что даже помогать не хотел сына вытаскивать. Он вообще старался с детьми быть строгим, поблажек не давал.

Но Людмила упростила, слезы лила так, что Вадим вынести этого не мог. Да и понимал он в душе, что хотя за свои поступки и надо отвечать, все же ничего хорошего не выйдет, если сын загремит в тюрьму. И ему жизнь поломают, да и самому Вадиму Юрьевичу, как ни крути, пятно на репутации. А он очень дорожил ею. Ничуть не меньше, чем детьми.

В душе отец надеялся, что вся эта история пойдет сыну на пользу. Парень наконец-то поймет, что надо браться за ум и бросать валять дурака, окончит школу, сдаст экзамены и поступит в вуз. Волошин поставил ему условие – только на бюджетное отделение! И вовсе не потому, что у него не было денег на оплату учебы сына. Об этом и говорить смешно! Да и не потому, что ему было их жалко.

Отец просто хотел, чтобы Сережка наконец-то стал самостоятельным, научился отвечать за себя и свою жизнь. А то как гулять и денег требовать на свои развлечения – так он взрослый, а как потрудиться – так еще маленький. Этот дисбаланс никак не мог смениться хоть каким-то подобием равновесия. Еще Вадим Юрьевич думал, что история с полицией все-таки заставит Сережку быть благодарным отцу за помощь.

Однако Волошин ошибся. Сын не только не проявил никакой благодарности, восприняв содействие отца спасению от тюрьмы как должное, но еще и обвинил его в собственных грехах. Дескать, так случилось именно из-за того, что он, отец, не уделяет внимания ни ему, ни дочери, ни матери и что их семья существует чисто номинально. Вадим Юрьевич холодно и резко отмел все эти претензии и в тысячный уже раз посоветовал сыну самому нести ответственность за собственные поступки, а не искать виноватых кругом.

Однако потом, уже уйдя из семьи, он ощущал внутри противный, остренько ноющий укол совести, понимая, что в словах сына была ох какая большая доля правды. Он начал жить с другой женщиной как раз в тот момент, когда Сережку не стоило оставлять без отцовского контроля, заодно и помощи, поддержки, любви.

Вадим Юрьевич утешал, оправдывал себя тем, что помогает бывшей жене и детям регулярно, что дочь и сына любит по-прежнему. Но он не мог не осознавать, что развод с Людмилой больно ударил не только по ней, но и по Даше с Сергеем. Просто у Людмилы и Даши нашлись силы вести себя сдержанно и учтиво, а Сережка совсем с катушек сорвался. Сейчас Волошин думал о том, что так произошло, возможно, не только из-за не окрепшей юношеской психики, а из-за того, что из всех членов бывшей семьи именно сын и любил его больше, чем все остальные.

Да, как ни крути, а самый счастливый период жизни Вадима Юрьевича стал самым болезненным и опасным для его сына. Можно в сотый раз кусать локти и винить себя, но сделанного уже не поправишь. Обратно в семью хода нет, да Вадим и не хотел этого, так как был вполне счастлив в новой. К тому же это и бессмысленно. Поезд ушел, и возвращением в семью дружбу и доверие сына не вернешь. Но это не значит, что их нельзя вернуть вообще ничем!

Волошин задумался.

«Наверное, стоит все же пересмотреть свое отношение к сыну. Нужно... что нужно? Пока непонятно. Обдумать все хорошенько нужно, вот что. Выработать линию поведения, может быть, смягчить его. Не начинать встречи с вопросов о том, как дела с учебой и когда он уже закроет все хвосты. Не грозить армией и работой грузчиком, а поинтересоваться его делами – теми, которые действительно интересны Сережке. Да, для начала так, а там посмотрим».

Волошин взглянул на часы. Пора было вставать и собираться на работу. А об отношениях с Сережкой подумать по дороге – сейчас уже времени нет. Он стал подниматься с постели, и в этот момент тренькнул мобильник, возвещая о пришедшем СМС-сообщении. Волошин взял телефон и осторожно вышел из комнаты, чтобы не разбудить Елену.

Он посмотрел на экран и увидел такой вот текст:

«Папа, привет! Извини, что вел себя так в последний раз. Я был не прав. Давай встретимся и поговорим спокойно. Буду ждать тебя через полчаса в кафе «Валькирия» на Садовом. Приезжай, пожалуйста, это важно. Сергей».

У Волошина екнуло сердце. Это было похоже на телепатию. Только что он думал о сыне, был готов попросить у того прощения и найти верное направление в дальнейших отношениях. Оказывается, и Сережка размышлял о том же самом! Наверное, даже не спал ночью – времени только восемь утра. Сын никогда раньше не присылал ему сообщения в такую рань, а уж тем более не назначал встречи.

Черт, вот только время неподходящее! Рабочий день Вадима Юрьевича начинался в девять ноль-ноль, и опаздывать было крайне нежелательно. У кабинета к этому времени уже собиралась очередь. Он должен был успеть принять всех посетителей до обеда, то есть до часа, чтобы во второй половине дня заниматься просмотром и обработкой поданных заявок.

Волошин постоял некоторое время в задумчивости. Может, перезвонить сыну и попросить перенести время встречи? И тут же сам покачал головой – нет, нельзя. У Сережки настроение такое шаткое, что миг может разобидеться, подумать, что отец пренебрегает встречей с ним, вопить начнет. Тогда столь хрупкое, едва возникшее понимание между ними мгновенно рухнет.

Поэтому Вадим Юрьевич не стал перезванивать, а просто написал в ответ: «Буду в 8.30», – а потом направился в ванную, принимать душ. Довольно мурлыча себе под нос, он оделся, взял портфель со служебными документами и спустился на улицу. Когда чиновник ехал в своей машине по просыпающемуся городу, настроение его было преотличным.

Кафе «Валькирия» Вадим Юрьевич знал хорошо. Они с Еленой часто туда заходили, там подавали отличный кофе. Сейчас ему было приятно, что сын выбрал для встречи одно из его любимых заведений. Припарковав машину, он вошел внутрь и огляделся по сторонам. Сына еще не было, но Волошин не увидел в этом ничего необычного. Сережка никогда не отличался пунктуальностью.

В этот ранний час кафе было полупустым, большинство столиков свободно. Волошин выбрал одно из лучших мест, устроился поудобнее, заказал чашку черного кофе без всяких добавок и приготовился ждать.

Осень мало кто любит. Общеизвестно, конечно, что этим фактом, помимо своей литературной гениальности, отличался Пушкин. Да и другие литераторы. Словом, поэтические натуры, вообще отличающиеся, мягко говоря, своеобразием. Но большинство нормальных людей осень не любит. Именно так считал Станислав Крячко, относивший себя к безусловному большинству нормальных людей, шагая утром по лужам на работу в Главное управление уголовного розыска.

Осень в этом году нагрянула внезапно, без предупреждения. Уже с середины сентября задули ветры, зарядил дождь, небо затянулось серо-черными мрачными тучами. Солнце, казалось, дало зарок не показываться на глаза человечеству как минимум до следующего года.

Но Станислава раздражало не отсутствие солнечного света, а постоянная слякоть, жидкая грязь на улицах, которая мгновенно перекачывалась на его брюки и ботинки. Не нравилось ему и отсутствие отопления в главке, которое официально должны были включить только в середине октября, а фактически следовало бы сделать это еще неделю назад.

Кроме того, на работу Крячко приходилось добираться пешком, потому что на машине из-за обильных дождей и увеличившихся заторов на дорогах выходило дольше и мучительнее. Станислав терпеть не мог стоять в пробках, а объезжать их его экономную натуру душила жаба. Вот и шлепал он по лужам, угрюмо втянув голову в ворот поношенной куртки и проклиная межсезонье.

Придя в кабинет, Станислав сразу же увидел своего коллегу и лучшего друга Льва Гурова, с которым они вместе работали не один десяток лет и делили этот самый кабинет на двоих. Гуров сидел за своим столом, вытянув длинные ноги, и пил кофе. Станислав невольно покопился на его брюки. Они были идеально чистыми и наглаженными так, словно только что с манекена. Ботинки Льва Ивановича также сияли чистотой и кремовым блеском.

Крячко оглядел собственную обувь, заляпанную серо-коричневой кашицей из осенней грязи, забрызганные брючины и неодобрительно хмыкнул. Неодобрение это, впрочем, высказывалось не на собственный счет. Оно адресовалось Гурову, который непонятным для Станислава образом умудрялся всегда выглядеть с иголочки, будь за окном хоть снег, хоть дождь, хоть ураган.

– Привет, – буркнул Крячко, проходя к своему столу и оставляя на полу, недавно вымытом уборщицей, некрасивые пятна.

Гуров бросил на них взгляд, перевел его на Станислава, но увидел выражение лица друга и не стал ничего комментировать.

Он чуть насмешливо ответил на приветствие и спросил:

– Кофе будешь?

– А то! – радостно отозвался Станислав, разваливаясь в кресле.

– Ну, наливай, чайник только что вскипел, – сказал Гуров и вновь уткнулся в свои бумаги.

Крячко, не ожидавший такого вероломства, еще больше нахмурился, однако проворчал себе что-то под нос, поднялся и стал сам готовить кофе. Для этого ему понадобилось пройти к столу Гурова, извлечь из него банку, потом протопать обратно за чайной ложкой, а после этого достать из шкафчика сахар.

В результате таких вот его топтаний пол кабинета стал похож на хранилище, овощи из которого увезли, а следы их пребывания остались в полной мере.

Наконец-то Крячко закончил приготовление напитка и, вполне удовлетворенный, вернулся с чашкой в свое кресло. Затем он достал пакет со сладкими слойками, купленными

в местном буфете, и принялся завтракать. Кофе Стас пил неторопливо, с чувством. Крячко вообще не любил во время трапезы суетиться и отвлекаться на посторонние дела.

Лев Иванович же, прихлебывая свой кофе, не прекращал перелистывать страницы какого-то дела. Крячко это было малоинтересно. Они только что закончили расследование преступной деятельности банды клофелинщиков и передали материалы в суд. Поэтому теперь Крячко справедливо считал, что может позволить себе с чистой совестью расслабиться.

Станислав занимался этим до самого обеда, а с его началом тут же отбыл в буфет. Когда он вернулся оттуда, вполне довольный и сытый, у Гурова на столе звонил телефон.

Сняв трубку, Лев Иванович коротко произнес:

– Полковник Гуров.

Крячко, краем глаза наблюдавший за другом, не слышал, что говорил ему собеседник, тем не менее отлично знал, с кем общался Лев Иванович. По этому номеру им звонил только генерал-лейтенант Орлов, начальник главка и давний друг обоих оперов. Беседа с ним продолжалась у Гурова недолго.

Вскоре он сказал генералу, что все понял, после чего повернулся к Крячко, кивком показал на дверь и заявил:

– Пошли.

– Куда? – поинтересовался Крячко.

– Убийство у нас, – коротко сообщил Гуров. – Так что собирайся, Стас, поехали.

Крячко с сожалением посмотрел за окно. Дождь усилился, крупные капли били по стеклу, по ветвям деревьев, стекали на землю, сливались на дороге в широкие потоки. Погода явно не вызвала у него ни малейшего желания выходить куда-либо из помещения. Но Гуров уже облачился в плащ и стоял у двери, ожидая Крячко.

– Кого хоть убили-то? – сдергивая с вешалки куртку, спросил тот.

– Одного крупного чиновника из департамента по развитию малого и среднего бизнеса Юго-Западного округа, – ответил Лев. – Я сам мало что знаю. Орлов велел лишь срочно ехать в эту контору. Так что все подробности узнаем на месте преступления.

– Блин! – Крячко вздохнул. – Таких уродов расстреливать надо на месте, без суда и следствия!

– Тех, которые чиновников убивают? – с легким удивлением поинтересовался Гуров.

– Нет, тех, которые заставляют порядочных оперов в такую погоду расследовать эти убийства! – заявил Крячко, раздраженно хлопнув дверью кабинета.

Гуров усмехнулся, спокойно повернул ключ в замке и направился к лестнице, возле которой его поджидал Крячко.

Вадим Юрьевич Волошин был крайне раздражен. Часы показывали уже пять минут десятого, а Сережка так до сих пор и не появился! Если бы Волошину не нужно было ехать в департамент, он продолжал бы терпеливо дожидаться, однако Волошин и так уже опаздывал, а не приехать на службу не мог. Именно сегодня у него был приемный день. Подавляя раздражение, он полез в карман за телефоном, набрал номер сына и услышал, что аппарат абонента выключен.

Волошин решил, что подождет еще ровно пять минут, и собирался убрать телефон в карман, как тот залился мелодией вызова.

Вадим Юрьевич ответил и, к своему немалому удивлению, услышал сердитый голос сына:

– Папа, ну и где ты?

– Что значит – где? – опешил Волошин. – В кафе, тебя жду.

– Представь, я именно там же! – язвительно ответил Сережка. – Уже сорок минут! Только тебя нигде не вижу.

– Как это? – не понял Вадим Юрьевич и закрутил головой.

Зал был небольшим и отлично просматривался с того места, за которым сидел Вадим Юрьевич. Никого даже отдаленно похожего на Сережку здесь не было. Это совершенно точно.

– Ну что ты мне голову морочишь? – Вадим Юрьевич чувствовал, как в груди нарастала волна гнева.

«Спокойно, не горячись, – мысленно уговаривал он сам себя. – Только не кричать!»

– Это я жду тебя в кафе уже сорок минут! – сказал он. – А мне вообще-то на службу надо.

– Отец! – Голос Сережки нехорошо дрогнул. – Если ты не можешь приехать, так сообщил бы мне сразу! Зачем тебе понадобился этот спектакль? Для чего ты позвал меня в такую рань?

– Подожди!.. – Волошин ничего не понимал. – Я тебя позвал?

– Ну а кто? Ты же сказал, что хочешь дать мне денег на машину!

– Денег на машину? – Голос Волошина осел. – Да с чего ты это взял? Ничего подобного я не... – Он осекся.

Значит, Сережка вовсе не собирался налаживать с ним контакт. Все, что ему было нужно, – деньги на новую машину, которую он уже давно выпрашивал. Волошин ему категорически отказал до успешной сдачи сессии. Но с чего парень взял, что в этот раз отец согласится?

Волошин пытался сохранять сдержанность, однако эмоции уже заглушали разум.

А Сережка тем временем перешел на крик:

– Значит, ты обманул меня, да? Просто решил вот так приколоться, да? Никогда не замечал за тобой склонности к такого рода шуткам! Впрочем, в чувстве юмора тебе изначально было отказано природой!

– Следи за выражениями, – вставил Волошин, однако Сережку уже понесло. Он вопил во весь голос о том, что отец всегда его ненавидел, а теперь вдобавок решил еще и поиздеваться. Сын припомнил отцу множество грехов, большей частью мнимых, и прошелся по его браку с Еленой.

Тут уже Вадим Юрьевич не выдержал.

– Так, вот что, ты язык свой там попридержи! – прикрикнул он. – А то придется поучить тебя хорошим манерам!

– Да пошел ты!.. – заорал Сережка, после чего связь прервалась.

Волошин сидел за столиком и слушал, как колотится его сердце. Ничего подобного он не ожидал. Все пошло абсолютно не так, как он рассчитывал!

Волошин выждал, когда уляжется дрожь в руках, после чего поднялся, бросил на стол купюру для расчета и быстро пошел к выходу. Он плотно сомкнул губы, сел в машину и направился в сторону департамента. Сегодняшний разговор с сыном напрочь испортил его хорошее утреннее настроение. А когда чиновник увидел очередь из нескольких человек, ожидавших его в приемной, от позитива и вовсе не осталось и следа.

Волошин сухо кивнул всем на ходу и быстро прошагал в свой кабинет, бросив через плечо секретарше:

– Прием через три минуты!

Сев за стол, он почувствовал, что не может сосредоточиться. Мысли все еще были там, в кафе «Валькирия». А точнее – крутились вокруг сына и несостоявшейся встречи с ним. С ума он, что ли, спятил?

Вадим Юрьевич отодвинул ящик стола и позволил себе то, чего никогда не делал в начале рабочего дня. Он достал початую бутылку коньяка, налил в рюмку граммов пятьдесят, выпил и даже закусил.

Блюдец с нарезанным лимоном, чуть присыпанным сахаром, всегда стояло на его столе. Секретарша заботилась об этом каждое утро. Именно с ним он предпочитал пить чай, да и просто любил погрызть или использовать в качестве закуски под коньячок. Но подобные вещи Вадим Юрьевич практиковал редко и только во второй половине дня, когда все посетители были отпущены и новых не ожидалось.

Сейчас же он чувствовал, что если не снимет напряжение, то просто не сможет объективно вести прием. Чиновник выждал с минуту, ощущая, как коньяк растекается по телу, придавая ему тепло и расслабление. Потом он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Неожиданно ему в голову пришла мысль, что сообщение от сына было прислано не с его номера. Волошин на всякий случай достал свой телефон и проверил. Так и есть! Совершенно незнакомые цифры. Непонятно, кто отправил сообщение. А Вадим Юрьевич просто машинально нажал кнопку «ответить» и набрал свой текст.

Волошин задумался. Может быть, Сережка не виноват, и так глупо пошутил кто-то из его приятелей?

«Выходит, мы оба стали жертвами розыгрыша? Тогда нужно немедленно разрешить это недоразумение», – подумал отец.

Волошин набрал номер сына, однако тот не отвечал. Вадим Юрьевич безрезультатно сделал это еще раз, потом подумал, не отправить ли сообщение, но решил все же не посылать, а выждать, когда эмоции сына немного улягутся. Да и ему пора было сосредоточиться на работе. Куча времени и так потеряна впустую.

Волошин снял трубку внутреннего телефона, стоявшего на столе, и сказал секретарше: – Впускайте.

В его кабинет тут же протиснулся первый посетитель. Он был хорошо знаком Волошину, ибо приходил в его ведомство далеко не первый раз. В прошлые посещения этот человек подавал заявку на открытие спортивной школы для детей. Когда она начала работать, он тут же обратился с заявкой о строительстве еще и стадиона при ней. Эта просьба также была удовлетворена, но мужчина настолько загорелся идеей внедрения спорта в детско-юношескую жизнь, что пришел в департамент снова. На сей раз он настаивал на том, что детям для нормального развития необходимо правильно питаться, а посему требуется открытие сети кафе-столовых, специализирующихся на здоровой детской пище.

Волошин слушал его рассеянно и молча, только периодически кивая.

– Так вы согласны со мной? – устав от долгих аргументов, в лоб спросил посетитель.

Фамилия его была Дружников.

– Вы оставьте заявку, мы рассмотрим, – заявил Волошин, оторвавшись от своих мрачных мыслей.

Дружникову, конечно, хотелось бы получить точный ответ прямо сейчас, и, разумеется, положительный. Для этого он даже задержался возле стола, но Волошин смерил его профессиональным отстраненным взглядом, не оставляющим сомнений в том, что аудиенция закончена. Дружников все понял и вышел в приемную.

Его место тут же занял сухощавый юркий мужичок неопределенного возраста – ему можно было дать от сорока до шестидесяти – по фамилии Собакин. Он тут же с места в карьер принялся горячо увещевать Волошина в том, что в Москве совершенно необходимо открыть клуб по интересам для пожилых одиноких людей и совместить его с приютом для бродячих животных. Одинокие пенсионеры должны общаться не только между собой, но и с братьями нашими меньшими, а также иметь возможность забрать понравившегося питомца с собой.

Волошин слушал вполуха. Он отлично знал, что этот посетитель получит отказ. Его старушечья и кошачья богадельня была абсолютна никому не нужна, коммерчески не выгодна и практически нерентабельна. А поэтому не стоило его обнадеживать. Никто эту заявку и рассматривать не станет.

Когда Собакин закончил и выжидательно уставился на Волошина, тот покачал головой и сказал:

– К сожалению, этот проект невозможен.

– То есть как? – Посетитель вытаращился на него, и Волошин понял, что ему явно не сорок, а гораздо больше.

Собакин наклонился над столом, и сразу стали видны и морщины, и воспаленные покрасневшие глаза, и фиолетовые прожилки на носу.

– Да очень просто. – Волошин пожал плечами. – Строительство данного объекта невыгодно городу. Средства на него пойдут немалые, а когда они окупятся? Да никогда, потому что предприятие это не даст никакой прибыли. Более того, одни убытки. Ну и зачем нам это нужно?

– Да вы что? – Собакин приподнялся на стуле. – Разве можно оценивать значение данного предприятия деньгами? Это же общечеловеческие ценности! Духовные!

Волошин со скепсисом смотрел на него. Он в душе уже пожалел, что заявил об отказе в лоб. Нужно было поступить хитрее: принять документы, сказать, что заявка будет самым тщательным образом рассмотрена, после чего вынесено решение. И все. А потом Собакин просто получил бы по почте письменный, официально заверенный отказ, и таким образом он, Вадим Юрьевич, был бы избавлен от негодования, выражаемого теперь этим субъектом.

М-да, неверно оценил его Волошин, прокололся в психологии. Не думал, что тот станет возражать столь бурно. А все из-за Сережки! Отец думал только о нем, вот и начал допускать проколы в работе! Он, опытный чиновник со стажем, стал ошибаться в элементарных вещах!

Реакция Собакина тем временем переросла из бурной прямо-таки в агрессивную. Он встал со стула и во весь рост навис над Волошиным. Тот, сохраняя хладнокровие, спокойно выдержал гневный взгляд посетителя.

– Ваше поведение – это преступление против всего человечества! – визгливо закричал Собакин. – Вы не имеете права работать с людьми, выносить решения, от которых зависят их судьбы! Я непременно напишу жалобу!..

– Это ваше право, – вставил Волошин.

– В прокуратуру! – закончил фразу Собакин.

Волошин молча смотрел на него, давая понять, что время для посещения истекло, исход встречи уже определен и изменен не будет.

Затем он выразительно посмотрел на дверь, поднял трубку и проговорил:

– Екатерина Сергеевна, следующий!

В кабинет вошла молодая женщина и остановилась возле двери, поскольку Собакин явно не торопился покидать помещение. Глаза его сверкали, взгляд перемещался с Волошина на новую посетительницу.

– Вот вы с чем пришли? – спросил ее Собакин.

– Я? – растерялась девушка. – Я...

– Это вас не касается, Савелий Борисович, – вмешался Волошин, быстро заглянув в документы и уточнив имя-отчество вздорного посетителя. – Вы свободны.

Собакин вдруг подскочил к девушке и выдернул у нее из рук документы. Та настолько опешила, что не сумела этому противостоять.

Собакин быстро пролистал их, посмотрел на Волошина и прошипел:

– Та-а-ак, салон красоты, значит? И я уверен, что эту заявку вы одобрите! Конечно, это же деньги! А на то, что у нас в городе этих салонов как грязи – вам наплевать! Чьи-то морщины и задницы вам важнее человеческой жизни!

– Савелий Борисович! – Голос Волошина поднялся на два тона. – Потрудитесь вернуть даме документы и покинуть кабинет! В противном случае я вызову охрану! – Он смотрел на Собакина, не мигая, взглядом, выработанным за годы службы.

Скандалиста это в совокупности с упоминанием об охране все же проняло.

Он сунул документы девушке в руки, нехотя повернулся и проследовал к двери, взялся за ручку, потом все же обернулся к Волошину и процедил:

– Я буду жаловаться!

Волошин не удостоил его ответом и адресовал девушке пригласительный жест.

– Что у вас? – демонстративно не комментируя произошедшее, поинтересовался он, и та протянула ему свои документы.

Заявительница Светлова Мария Владимировна и впрямь хотела открыть салон красоты. В другой раз Волошин потратил бы на нее куда меньше времени, но сейчас он несколько раз перечитал документ, понятный ему с первой строки, и все для того, чтобы дожидаться, пока Собакин покинет здание департамента. Таким образом, Светлова провела в его кабинете минут на пятнадцать дольше, чем было рассчитано.

После нее ждали приема еще несколько человек. Волошин надеялся управиться с ними поскорее. Ему вообще хотелось завершить сегодня прием пораньше, дабы остаться в кабинете одному и спокойно заниматься сортировкой документов.

Собственно, он уже и так определил, кто из заявителей в какую группу попадет – отказников, удовлетворенных или отложенных в долгий ящик. Собакина, к счастью, слышно не было. Видимо, он все же уgomонился и ушел восвояси.

Волошин уже готовился принять очередного посетителя, как вдруг из приемной до него донеслись громкие разговоры, явно грозившие перейти в скандал. Волошин было подумал, что это неугомонный Собакин вернулся ругаться, однако, к своему ужасу, вдруг узнал голос сына, набравший обороты. Сергей требовал немедленно пропустить его в кабинет, секретарша Катя что-то ему возражала.

Волошин резко поднялся и быстро пошел к двери, однако она распахнулась сама, и в кабинет буквально ворвался Сергей. Волосы его растрепались, глаза были воспаленными. Видимо, он действительно не спал эту ночь. Взгляд блуждающий. По нему, а также по характерному запаху Волошин догадался, что сын его банально пьян.

Секретарша пыталась удержать Сергея, уговаривала его пройти с ней в приемную и успокоиться. Тот не слушал и в конце концов просто отпихнул девушку локтем. Волошин заметил в другой его руке открытую бутылку пива.

– Ты что себе позволяешь? – вскипел Вадим Юрьевич.

Он и так был недоволен непоследовательным поведением сына, а уж когда тот заявился прямо к нему в департамент, да еще в столь непотребном виде, и вовсе пришел в ярость.

– А ты? – Красные глаза Сергея горели злобой.

Он толкнул Катю так сильно, что та ахнула, и двинулся на Волошина. Вадим Юрьевич побледнел, но титаническим усилием воли постарался взять себя в руки. В приемной сидели посетители, и каждое слово было отлично слышно. К тому же и присутствие Кати делало всю эту сцену крайне нежелательной.

– Давай-ка езжай домой. Я после работы приеду, там и поговорим, – максимально спокойно произнес Волошин. – Нужно кое-что выяснить.

– Мне с тобой не о чем говорить! – выкрикнул Сергей. – Ты лжец и лицемер! Мне от тебя ничего не надо, понял?

– Ты противоречишь сам себе, – холодно отозвался Волошин. – Если говорить не о чем, зачем тогда приехал сюда?

– Просто чтобы... – Сергей запнулся, но тут же нашелся: – Просто чтобы сказать, что ты подлец! – выкрикнул он.

– Для этого не стоило ехать в департамент. – Волошин, внутри которого все кипело, злобно усмехнулся.

Сергей, не слушая его, выдал целую обличительную тираду. Ее суть сводилась к тому, что Вадим Юрьевич предал семью, мать, их вместе с Дашей и его в отдельности, что он всегда был обманщиком и притворщиком. Сегодня его лживая сущность проявилась в полной мере, когда он вызвал сына на встречу под предлогом обсудить их отношения и дать денег на машину, а сам не пришел.

– А я тебе поверил, специально приехал в такую рань! – выкрикнул Сергей, размахивая бутылкой.

Волошин шагнул вперед и выдернул ее у него из рук.

– Езжай домой и проспись! – отчеканил он. – Произошло недоразумение, но обсуждать его, когда ты в таком состоянии, я не намерен.

– Отдай сюда! – Сергей протянул руку, но Волошин крепко держал бутылку.

– Вадим Юрьевич, может быть, охрану вызвать? – взволнованным шепотом спросила секретарша.

Волошин отрицательно мотнул головой. Этого еще не хватало, перед охраной позориться! Отец попытался выдворить сына из кабинета и самолично проводить его до выхода. Сергей выдвортаться не желал. Он, кажется, сам не осознавал, чего хочет.

Волошин понимал, что тот весь на эмоциях. Ему бы сейчас принять успокоительного и уснуть. Вадим Юрьевич лихорадочно соображал, как бы это устроить, не привлекая на помощь никого из сотрудников департамента. Людмиле, что ли, позвонить? Но та давно уже потеряла всякое влияние на сына, хотя сама и придерживалась иного мнения.

Вопрос решился неожиданно быстро.

Волошин крепко ухватил сына за локоть и твердо сказал:

– Пошли!

Сергей тут же принялся вырываться. Кажется, он действовал от противного.

– Пусти, не трогай меня, не смей удерживать! – пробубнил он.

– Нет уж, оставайся и сиди! – повысил голос Волошин, сориентировавшись и кардинально сменив тактику.

– Еще чего не хватало! – огрызнулся Сергей.

Вадим Юрьевич ослабил хватку, и Сергей удовлетворился иллюзией, что ему удалось ловко вывернуться самому. Он тут же поспешил к двери. Волошин не стал его удерживать.

Сергей рванул дверь на себя, остановился на пороге, повернулся к отцу и выкрикнул напоследок:

– Можешь мне больше не звонить! Я тебя видеть не желаю! – С этими словами он покинул приемную.

Катя часто-часто моргала расширившимися глазами.

– Может быть, проводить его? – неуверенно спросила она.

– Просто проследите, чтобы он вышел из здания, – сказал Волошин, прижимая к вспотевшему лбу платок. – Если начнет буянить, тут же звоните мне.

– А посетители? – понизив голос, спросила секретарша.

– Через пять минут я продолжу прием.

Катя выскользнула из кабинета и плотно закрыла за собой дверь. Волошин услышал, как она объявила в приемной, что прием возобновится через пять минут.

Волошин прошел к столу, достал из верхнего ящика пакет с таблетками, среди которых было и успокоительное. При прохождении очередной комиссии врач прописал ему данный препарат, сказав, что это отличное средство для профилактики стресса, особенно при такой работе. Многим другим его коллегам прописал он то же самое.

Все правильно, работа нервная, люди всякие попадают. К примеру, такие субъекты, как этот Собакин, кому угодно мозг вынесут. А тут еще родной сыночек проблем подкинул! Черт знает что такое! В двадцать лет как ребенок. Сын приличных родителей, внук профессора, элитную школу окончил, а поведение как у какого-то гопника люберецкого!

Вадим Юрьевич в сердцах кинул в рот сразу две таблетки, поискал, чем запить, – вода в графине кончилась. Потом он махнул рукой, вынул из ящика бутылку с коньяком, прямо из горлышка сделал несколько маленьких глотков, посидел, подождал. Сердце вроде бы успокои-

лось, уже не колотилось так часто. Вадим Юрьевич достал из портфеля жвачку. Двойная мята сразу же обожгла рот и мгновенно обдала холодом.

Тут в кабинет заглянула Катя и сообщила, что Сергей вышел из здания.

– Вызывайте следующего, – только и сказал Волошин, возвращаясь к насущным делам.

Остальных посетителей он принимал как во сне, чисто механически, был уверен в том, что завтра не вспомнит ни их лиц, ни имен. Последняя дамочка, правда, запомнилась ему, поскольку тоже немного потрепала нервы Вадима Юрьевича, и без того взвинченные.

Это была женщина средних лет, похожая на завмага социалистических времен, с сытым круглым лицом, высокой прической-халой и крупными золотыми украшениями в ушах и на могучей красной шее. Модные лакированные сапожки туго обтягивали ее мощные икры. Ткань костюмной юбки грозила лопнуть на крутых бедрах. Сквозь глубокий вырез белой блузки виднелись верхушки двух холмов, разделенных складкой.

Маргарита Максимовна Шляпникова была очень уверена в себе. Она сидела перед Волошиным, надменно глядя из-под век, подведенных синим, и ресниц, густо покрытых тушью. Говорила женщина тоже уверенно, готовая к тому, что найдет с чиновником полное взаимопонимание.

Вадим Юрьевич демонстрировать этого не спешил. Он листал документы, в которых говорилось о том, что Маргарита Максимовна нуждается в открытии дополнительных трех филиалов к своим магазинам меховых изделий. Волошин интуитивно чувствовал, что этой даме заявлять об отказе не стоит, нужно сказать, что документы приняты к рассмотрению.

Он уже собирался произнести эти слова и завершить таким вот образом последнюю встречу на сегодняшний дурацкий день. Однако Маргарита Максимовна явно демонстрировала, что желает получить положительный ответ немедленно. Это противостояние длилось несколько минут. После чего гостя наконец-то покинула кабинет, и Волошин смог вздохнуть с облегчением.

Он достал из ящика стола коньяк, немного плеснул в рюмку и снова выпил. Потом вынул из кармана телефон и некоторое время держал его в руках, размышляя, позвонить сыну или нет. Он все же решил, что не стоит, и отправился в местную столовую.

Наступило время обеда. Посетителей в здании не осталось, оно вообще было закрыто для посторонних. Пришло время, когда чиновники оставались одни. После обеда их ждала только бумажная работа, которую многие, используя многолетний опыт, просто переносили на другой день, занимаясь обработкой документов по пятницам – всех сразу, что накопились за неделю. А послеобеденное время других дней они тратили на собственные нужды.

Волошин обычно поступал точно так же, правда, старался не злоупотреблять этим, однако сегодня у него были иные намерения. Идти домой ему не хотелось, и он рассчитывал просидеть весь остаток дня в кабинете, в уединении, которого не смог бы получить дома. Там Елена, домработницы...

Собственный кабинет есть, конечно, и дома, но это не то. Ему вообще хотелось сегодня уехать куда-нибудь, где можно остаться совершенно одному. Спокойно посидеть, разобраться в собственных мыслях и чувствах и принять верное решение. Но...

Загородный дом сейчас как раз переоборудовался. Елена захотела надстроить еще один этаж, расширить помещение. Поэтому там полным ходом шли строительные и отделочные работы. Ехать куда-то в гостиницу вообще нелепо. Это может вызвать всякие пересуды и кривотолки. Доказывай потом, что ты собирался там быть совершенно один!

Волошин всегда болезненно относился к собственному реноме. В итоге он махнул рукой и решил остаться в кабинете департамента до глубокого вечера.

Вадим Юрьевич запер кабинет и отправился в столовую. Несмотря на скучное название, качество блюд в местном заведении общественного питания было лучше, чем в некоторых

ресторанах. Для чиновников были наняты отличные повара, а меню выделялось многообразием.

Спускаясь по лестнице, Вадим Юрьевич вдруг ощутил слабость в ногах.

«Возраст! – Нехорошо царапнула его неприятная мысль. – Нервничать нельзя совсем. Нужно взять горячего и крепкого кофе».

В столовой, стоя в очереди, он почувствовал еще и головокружение и решил заказать двойной кофе. Идя с подносом к столику, который занимал всегда, Вадим Юрьевич с трудом передвигал ноги. Усевшись, он, вопреки логике, сделал несколько глотков кофе, прежде чем приступить к горячему.

Ему стало чуть полегче. Он взялся за вилку и начал, как обычно, с закуски. Движения его были замедленными. Он съел кусок селедки, затем немножко холодца. Горьковатый привкус во рту портил все ощущение от трапезы.

Волошин отодвинул закуски и принялся за креветочный суп. Однако не успел он съесть и трети, как вдруг невероятная слабость в руках заставила его уронить ложку. Вадим Юрьевич с удивлением посмотрел на пол, наклонился, чтобы поднять ее, но вместо этого сам полетел со стула.

На раздавшийся грохот отреагировали все – и коллеги, и буфетчицы, и даже посудомойка, убиравшая со столов. Волошин лежал на полу, задыхался и пытался ослабить узел галстука.

К нему тут же поспешили двое мужчин.

– Вадим Юрьевич, ты чего? – с тревожным удивлением спросил один из них.

Они вдвоем попытались поднять Волошина, который был похож на тряпичную куклу. Из его рта потекла белая пена, тело задергалось в конвульсиях, глаза широко вытаращились, взгляд был полубезумным. Чиновников охватил страх.

Тело Волошина дергалось в судорогах несколько секунд, после чего замерло и обмякло. Глаза его закатились и остались полуприкрытыми. Он был неподвижен.

Мужчины изумленно переглянулись.

– «Скорую»! Быстро! – громко выкрикнул один из них.

– Местного врача зовите! – резко выпрямляясь, заявил второй.

Началась суета, все забегали, что-то заговорили. Кто-то пытался поднять Волошина, растегнуть ему рубашку.

Вскоре послышались торопливые шаги, и в столовой появилась Эмма Максимовна, врач, состоявшая в штате департамента. Она быстро оттянула веко Волошина, приложила пальцы к его шее, потом, словно не веря, всмотрелась в его лицо.

Докторша повернулась к сотрудникам, сгрудившимся за ее спиной, и произнесла:

– Мертв.

Глава 2

Когда Гуров и Крячко прибыли на место происшествия, сотрудников департамента в столовой практически не было. Только в уголке тихо плакала буфетчица, да хмурая докторша пока никуда не ушла. Зато «Скорая» уже прибыла. Покойник лежал на полу. Рядом за столиком, на котором стояли остатки обеда, сидел врач и что-то писал на листке.

– Да что ж такое! Опять нас медики опередили! – провозгласил Крячко, подходя к столу.

– Так мы с мигалкой едем, нам везде зеленый свет, – не отрываясь от записей, ответил врач. – Кстати, у вас тоже есть такая возможность.

– Есть, – со вздохом согласился Крячко. – Да только вы почему-то все равно раньше успеваете.

– Я закончил, – сказал врач и поднял голову. – Вот заключение о смерти. Собственно, мне больше ничего и делать-то не пришлось. Когда мы приехали, он был уже мертв.

– Отчего умер? – нахмурившись, спросил Гуров.

– Предварительно – от яда. Все симптомы отравления налицо.

– То есть криминал? – уточнил Крячко.

– По всей видимости, – подтвердил врач. – Так что это не в нашей компетенции. Подробное заключение вам даст судмедэксперт, а нам тут больше делать нечего. – Врач поднялся со стула и начал собирать в чемоданчик свои инструменты, которые ему так и негодились.

– Это он обедал? – спросил Гуров и кивнул на столик.

– Не знаю. – Врач пожал плечами. – Это не по моей части. Разбирайтесь, у нас еще вызовов полно.

Врачу со «Скорой» явно не терпелось поскорее покинуть место происшествия, и Гуров не стал ему препятствовать. Тем более что в дверях уже появились сотрудники судебно-медицинской экспертизы.

– Приступайте, – коротко бросил им Гуров после приветствия, сам же пошел беседовать с буфетчицей.

Молодая женщина лет тридцати выглядела совершенно удрученной.

Подняв на Гурова заплаканные глаза, она тут же прижала руки к груди и горячо заговорила:

– Вы поймите, мы ни в чем не виноваты! Все продукты проходят самый строгий контроль, со всех готовых блюд снимают пробу! У нас никогда не было ничего подобного! И потом, ведь больше никто, кроме Вадима Юрьевича, не отравился! Господи, да я сама пробовала этот обед! – Она смотрела на полковника со страхом и надеждой.

– Да вы успокойтесь, вас никто ни в чем не обвиняет, – сказал Гуров. – Вас как зовут?

– Ирина Николаевна Крючкова, – ответила та.

– Ирина Николаевна, вы, пожалуйста, соберитесь и расскажите, как все произошло, – попросил Гуров.

– Ну... – Женщина закатила глаза. – Все было как всегда. Вадим Юрьевич пришел в столовую сразу, как только начался обед. Минут через пять где-то. Он встал в очередь, получил свой заказ, пошел с ним к столику, начал есть и вдруг упал на пол. К нему сразу подбежали, хотели поднять, а он вдруг так ужасно стал дергаться – вспомнить страшно! – Буфетчица поежилась. – А потом Виктор Леонидович крикнул, что надо вызывать врача. Пришла Эмма Максимовна и сказала, что он умер. Вот и все.

– Эмма Максимовна – это кто? – уточнил Гуров.

– Наш врач. Для сотрудников департамента.

– А Виктор Леонидович?

– Тоже сотрудник департамента. Они с Эдуардом Васильевичем первыми подбежали к Волошину.

– Фамилии назовите. – Гуров достал блокнот.

Буфетчица наморщилась, вспоминая.

– Виктор Леонидович Ляшенко и Эдуард Васильевич Суханов, – ответила она.

– Они сейчас здесь?

– Наверное. Не знаю. Я после этого никуда из столовой не отлучалась.

– Волошин что-нибудь говорил вам, когда брал заказ?

– Нет, ничего особенного. Взял то, что берет практически всегда. Знаете, мне, правда, показалось, что он был очень бледен и двигался как-то... заторможенно.

– Вот как. А он сидел за столиком один?

– Да, один.

– С самого начала.

– Да, он всегда выбирал этот столик, если тот пустовал. Сегодня он был свободен. Знаете, ведь люди работают здесь не первый год, уже установились какие-то неофициальные правила, привычки. У каждого свои излюбленные места, блюда, которым люди отдают предпочтение.

– Кто-нибудь из сотрудников заказывал то же самое, что Волошин?

– Да, – почти не задумываясь, ответила буфетчица. – Эдуард Васильевич всегда заказывает то же самое, только без холодца. Он его не любит. И зря, между прочим! Холодец у нас всегда отличный!

– Кто, кроме вас, имеет доступ к готовым блюдам? – спросил Гуров.

Крючкова в растерянности задумалась.

– Ну, в первую очередь повара, – сказала она. – Их у нас двое. Они сейчас на кухне. И мы с Наташей, конечно. Это вторая буфетчица. Господи, неужто вы думаете, что кто-то из нас намеренно отравил Вадима Юрьевича? – воскликнула она.

– Мы занимаемся своей обычной работой, Ирина Николаевна. Не нужно волноваться. Мы проведем проверку, и, скорее всего, окажется, что вы ни в чем не виноваты. Необходимо еще точно выяснить, отчего наступила смерть, – сказал Гуров. – Вы пока что позовите мне всех, кто находился в непосредственной близости к продуктам – поваров и вторую буфетчицу.

Крючкова кивнула и пошла выполнять распоряжение полковника. Когда повара и буфетчица появились в зале, Гуров переадресовал их Крячко, а сам вернулся к телу Волошина.

– Типичное отравление, – не дожидаясь вопроса полковника, сказал судмедэксперт. – Но ни названия яда, ни источника попадания я вам пока назвать не могу. Нужно забирать тело в морг, проводить вскрытие, делать анализы. После этого смогу сказать точнее. Словом, все как всегда.

– Понятно. – Лев Иванович кивнул и спросил: – Когда будут результаты?

– Ну, не раньше вечера – это точно. А возможно, что только завтра. Смотря что за яд. Если сразу удастся определить, то считайте, что вам повезло. Если нет – химическая реакция может длиться не один день. Понимаю, что вам нужно побыстрее, но повлиять на процесс я, увы, не могу, – проговорил врач и развел руками.

– Ясно. Что ж, грузите тело, – распорядился Гуров и повернулся к группе экспертов, которые методично собирали со стола остатки пищи и укладывали все это в пакеты. – Посуду, пожалуйста, тоже захватите, – попросил их полковник. – И нужно обследовать кабинет Волошина. Возможно, что он принял яд еще там. Буфетчица отметила, что он выглядел нездоровым, когда появился в столовой.

– Сделаем, – бросил один из экспертов. – Где его кабинет?

– А вот это я сейчас и узнаю, – сказал Гуров и направился к выходу из столовой.

В коридоре здания стояли сотрудники. Они, сбившись в кучки по несколько человек, обсуждали что-то между собой. Не нужно было обладать экстрасенсорными способностями, чтобы догадаться, что темой их разговоров была смерть Волошина.

Гуров усмехнулся про себя. Интересна и противоречива все-таки человеческая натура! Такие противоестественные для нее вещи, как, к примеру, смерть, всегда вызывают любопытство. Сотрудники департамента поспешили покинуть столовую, поскольку соседство с покойником было им неприятно. Все же далеко никто не уходил. Интерес к гибели человека преобладал у них в этот момент над всеми другими мыслями и чувствами.

– Виктор Леонидович Ляшенко и Эдуард Васильевич Суханов!.. Есть такие? – громко спросил Гуров.

Двое мужчин, стоявших в одной группе, повернулись к нему.

– Полковник Гуров, Главное управление уголовного розыска, – подходя к ним и держа раскрытое удостоверение, представился Лев Иванович. – Я вас попрошу проводить меня к кабинету Волошина и подождать. Мне необходимо побеседовать с вами обоими.

Мужчины переглянулись, после чего кивнули и назвали свои фамилии. Они поднялись на второй этаж и остановились перед дверью.

– Здесь его приемная, – сказал Суханов. – В ней сидит секретарша. Дальше кабинет.

Гуров открыл дверь и вошел в приемную. За компьютерным столом устроилась девушка лет двадцати пяти, которая в этот момент негромко разговаривала по мобильному телефону. Увидев Гурова, она тотчас прервала беседу, встала и вопросительно поглядела на него.

– Вы секретарь Вадима Юрьевича Волошина? – спросил Гуров.

– Да, моя фамилия Крутицкая, – сказала та. – Зовут Катя. Екатерина Сергеевна, – поприветствовала она. – Но можно просто Катя.

– Скажите, вы заходили в кабинет Вадима Юрьевича, после того как он ушел на обед?

– Да, – покраснев, ответила та.

– Зачем?

– Ну... – Крутицкая смутилась. – В мои обязанности, помимо регистрации посетителей, телефонных звонков и некоторой работы с документацией, входит также подавать в кабинет напитки и убирать пустую посуду. Вот я и зашла, чтобы там прибрать, пока Вадим Юрьевич ушел на обед.

– Значит, до обеда Вадим Юрьевич что-то употреблял в кабинете? – спросил Гуров и нахмурился.

– Ну да. – Секретарша пожала плечами. – У нас предусмотрены напитки для посетителей – чай, кофе. Я несколько раз приносила их в кабинет.

– Так-так. – Гуров достал блокнот и ручку. – Вы можете вспомнить, сколько раз и когда именно? Кто в тот момент был у Волошина на приеме?

Крутицкая покачала головой и ответила:

– Так сразу я не скажу. Но если просмотрю список посетителей и подумаю, то наверняка вспомню.

– Отлично. Екатерина Сергеевна, полный список сегодняшних посетителей Вадима Юрьевича мне также будет нужен. А еще всех тех, кто приходил к нему за прошедшие, скажем, три месяца.

– С первым легко помогу. Со вторым придется подождать, – сказала секретарша. – Мне нужно время, чтобы поднять документы за три месяца. Тем более что за последние два бумаги уже сданы.

– Ничего, я подожду, – сказал Гуров. – Скажите, вы пустую посуду куда дели?

– Я все вымыла и поставила вон туда. – Девушка указала на высокий шкаф со стеклянными дверцами, стоявший в углу приемной.

– Вот как? Очень жаль. – Гуров подошел к шкафу и задумчиво уставился внутрь.

Там стояли несколько чашек, блюда, тарелки, подставка для чайных ложечек.

– А напитки готовите лично вы? – спросил сыщик, повернувшись к секретарше.

– Да. А что такое?

– Да дело в том, что Вадим Юрьевич, по всей видимости, умер от отравления, – заявил Гуров и посмотрел девушке в лицо.

Та вспыхнула, несколько секунд непонимающе смотрела на полковника, потом проговорила:

– Вы хотите сказать, что это я?..

– Да боже упаси. Мы еще даже не знаем, чем он отравился. Именно поэтому мне и нужно проверить всю посуду, напитки, остатки пищи. Вы понимаете?

– Кофе остался в кофеварке, – растерянно произнесла Крутицкая. – Его можно проверить. А чай я завариваю из пакетиков. Чем там можно отравиться?

– Катюша! – желая подбодрить девушку, ласково обратился к ней Гуров. – Вы пока ничего не трогайте, хорошо? Ни кофеварку, ни чайные пакеты. Я пришлю экспертов, они разберутся. И не волнуйтесь вы так! – Лев Иванович улыбнулся. – Лучше припомните, не произошло ли сегодня что-то не совсем обычное?

– Да вроде бы нет, – медленно проговорила девушка, вспоминая. – Разве что... но это не касается работы!

– Так-так, – закивал Гуров. – Вы говорите, Катюша. Мы обязательно разберемся, имеет или нет.

– Мне не совсем удобно об этом говорить. В другой раз я бы не стала упоминать об этом инциденте. Но раз с Вадимом Юрьевичем такое случилось, то придется сказать. Дело в том, что приходил его сын, Сережа. И они с Вадимом Юрьевичем крупно поругались. Мне даже пришлось вмешаться.

– Вот как? Любопытно. Расскажите, пожалуйста, поподробнее, – попросил Гуров.

Крутицкая вздохнула и начала говорить:

– Это случилось где-то около одиннадцати часов, в начале двенадцатого. Вадим Юрьевич принимал посетителя, еще двое дожидались своей очереди. Тут дверь в приемную открылась, и вошел Сережа. Мне его вид сразу не понравился. Он сказал, что ему надо видеть отца, и пошел прямо в кабинет. Я поняла, что его не надо впускать, встала перед дверью и загородила ему дорогу, но он меня просто оттолкнул и все равно вошел.

– А почему вы решили, что его нельзя впускать? Чем он вызвал ваше недоверие?

– Ну, во-первых, он был выпивши. – Екатерина понизила голос. – Уже с утра. В руках у него была бутылка пива, и вел он себя довольно агрессивно.

– Как же его пустили на проходной? – удивился Гуров.

– Но он же сын Волошина! Его здесь знают.

– Он что, часто у вас появляется?

– Нет, не очень. Но на проходной нужно показать пропуск либо паспорт. У парня в документе написано «Волошин Сергей Вадимович». Так что, если бы даже дежурил незнакомый охранник, ему достаточно было сказать, что он пришел к отцу. Но думаю, что его и не спрашивали. Сегодня дежурит Румянцев, он хорошо знает семью Вадима Юрьевича.

– Ладно, с охранником я позже побеседую. Итак, Сергей ворвался в кабинет, и что было дальше?

– Он начал кричать на Вадима Юрьевича, обвинял его в том, что тот его в чем-то обманул. Сыпал еще какими-то обвинениями и даже угрозами. И все это при посетителях, представляете?

– И что же отец?

– Он все время пытался его образумить, говорил, что Сергей что-то напутал. Я не совсем поняла, в чем там у них недоразумение вышло. Вроде бы Сережа зря прождал отца где-то. Хотя

он отлично знает, что у того служба! В общем, под конец Сережка совершенно разошелся, и мы с Вадимом Юрьевичем буквально выставили его вон. После этого он ушел, но еще кричал о том, что отец пожалеет.

Гуров бросил взгляд на мусорную корзину, стоявшую под столом секретарши. Он уже давно обратил внимание на то, что из нее торчит горлышко пивной бутылки.

– Скажите, Катя, это, случаем, не та самая бутылка, с которой пришел Волошин-младший? – осведомился Лев Иванович.

– Она самая. – Екатерина усмехнулась. – Он в кабинете кричал, размахивал ею во все стороны, вот отец и отобрал ее у него от греха подальше. А когда его выдворили, я бутылку в мусорку бросила.

– С вашего позволения. – Гуров шагнул к корзине, осторожно двумя пальцами взял бутылку за горлышко, достал ее и положил в полиэтиленовый пакет, дабы после передать на экспертизу.

После этого он снова обратился к секретарше:

– Скажите, Катя, а какие вообще отношения у Волошина были с сыном?

– Ох!.. – Екатерина вздохнула и задумалась. – Сложные отношения. Но я подробностей не знаю, – тут же открестилась она. – Вадим Юрьевич был человеком закрытым, о семейных и личных делах не распространялся. Тем более с секретаршей.

– А вас с ним связывали чисто служебные отношения? – невинно спросил полковник.

Крутицкая усмехнулась и осведомилась:

– Ищите штампы? Вынуждена вас разочаровать. Никакого романа у меня с шефом не было. И вообще он, можно сказать, молодожен. Супруга чуть не на тридцать лет моложе. Ну и зачем ему романы на стороне, да еще на службе? А потом я вам скажу вот что. Если у Волошина и были какие-то грешки по этой части, то уж точно не на службе. Он за свою репутацию трясся, как заяц!

– Понятно. Кроме Сергея, у него дети есть?

– Да, дочь. Зовут Даша, Дарья Вадимовна. Но она здесь практически не появляется.

– А что она собой представляет?

– Обыкновенный синий чулок, – не задумываясь, ответила Крутицкая, но моментально спохватилась и покраснела. – Простите, я просто...

– Ничего. – Гуров успокаивающе улыбнулся. – Вы сказали искренне, а мне это важнее нейтральных, ничего не значащих этических формулировок.

– На самом деле я не испытываю к ней никаких антипатий! Она вполне приятная девушка, спокойная, миролюбивая, – продолжала оправдываться Крутицкая. – У меня с ней никогда не было никаких конфликтов. Да она вообще, кажется, ни с кем не ссорится. Типичная флегма. Этим она, скорее всего, в мать.

– Та тоже бесконфликтна?

– Как рыба мороженная! – заявила Крутицкая, уже не особо заботясь о соблюдении этикета.

«С ней хорошо бы пообщаться в неформальной обстановке, – подумал Гуров. – Наверняка девчонка довольно много знает о семейных секретах своего шефа! И такие уж чисто служебные отношения их связывали? Возможно, раньше, когда Волошин еще жил не с женщиной, которая на двадцать лет моложе его, а с мороженной рыбой, он и оказывал внимание секретарше? Соблюдая конспирацию, разумеется. Надо попробовать это выяснить через Крячко. Пусть по-свойски потолкует с местными мужиками. Те только рады будут посплетничать о покойном коллеге».

Пока же Гуров недоверчиво спросил:

– Что же, она даже на уход мужа к молодой сопернице отреагировала спокойно?

– Ну, я при их судьбоносном разговоре не присутствовала, – ответила Крутицкая и улыбнулась. – Но публично никаких эксцессов не возникало.

В этот момент дверь в приемную открылась, и в проеме появился полковник Крячко.

– Лева, эксперты закончили внизу. Здесь есть для них что-нибудь?

– Очень даже есть, – ответил Гуров.

Станислав посторонился, пропуская экспертов. Лев Иванович сразу же вручил им бутылку в пакете и попросил самым тщательным образом исследовать чашки и ложки.

– Посуда вымыта, но вдруг повезет и какие-то следы будут обнаружены, – напутствовал он. – Мобильный Волошина осмотрели?

– Да, предварительно. Его нужно в отделе передавать на обработку, чтобы выявить все контакты и удаленные сообщения.

– Скиньте мне те, что сохранены, – попросил Гуров. – Как можно скорее. – Затем он повернулся к секретарше и проговорил: – Спасибо вам, Екатерина Сергеевна. Если к вам возникнут дополнительные вопросы, я вас вызову. И оставьте, пожалуйста, номер вашего сотового.

Крутицкая быстро записала номер и протянула листок полковнику. Тот положил его в карман и вышел вместе с Крячко в коридор.

– Ну и что там говорят эти чиновники? – спросил Гуров.

– Да ничего! – Крячко махнул рукой. – Ты что, не знаешь эту братию? На службе у Волошина все хорошо, и вообще у них в департаменте полный порядок. Никто его специально травить не стал бы, это все бред. Скорее всего, Волошин просто съел дома за завтраком что-то не то. А может быть, ему стало плохо с сердцем. Таковы их версии.

– Все это нужно самым тщательным образом проверить, – задумчиво сказал Гуров. – И документы, и содержимое желудка Волошина. Патологоанатом нам предоставит отчет уже сегодня вечером, а вот с документами может не получиться так быстро. Ты вот что, Стас, проследи-ка лично за передачей документации. Чтобы не подсунули левую, по которой и впрямь все будет в ажуре. Осмотри все сам. Понимаю, это долго и муторно, но мне смерть Волошина очень не нравится. Полагаю, что его все же убили. Пищевое отравление выглядит не так, это даже мне, дилетанту, видно. Да и судмедэксперт намекал на яд. И вот еще что – выясни поточнее, чем конкретно занимался Волошин на своей должности. Зачем к нему шли посетители, что от него зависело и так далее. Аккуратно опроси остальных сотрудников – так, в неофициальной манере, как ты это умеешь. И еще у Волошина есть сын Сергей. По словам секретарши, он приходил сегодня утром к Волошину в кабинет и устроил скандал. Нужно бы найти этого Сергея и поговорить с ним, желательно у нас в главке.

– Сделаем, – заявил Крячко.

Из приемной вышел один из экспертов и протянул Гурову листок с текстом.

– Это последние контакты Волошина, а также СМС, – пояснил он. – Остальное специалисты раздобудут.

– Хорошо, для начала хватит, – Гуров убрал листок, и эксперт вернулся в кабинет Волошина.

– А ты сам куда? – спросил Крячко.

– Поеду навещу вдову, – ответил Гуров.

– Которую? – живо спросил Крячко. – Молодую небось? Хе-хе!

– Думаю, что придется опрашивать обеих. Хотя бывшая супруга Волошина официально не является его вдовой.

– А кстати, кем она является? – вдруг заинтересовался Крячко. – Нынешняя жена – теперь вдова. А бывшая кто? Бывшая вдова? Круто! – Стас коротко хохотнул.

– Хватит уже со своими глупостями! – Гуров поморщился. – Не до смеха мне сейчас, дел еще по горло! С этой чиновничьей смертью Орлову сверху весь мозг вынесут, а он – нам!

– Ясен пень! Ладно, и похуже дела бывали! Езжай, Лева! – Крячко хлопнул Гурова по плечу.

Сыщик уже входил в лифт и услышал за спиной тихий говорок:

– По вдовушкам пошел!

Глава 3

Гуров подъехал на улицу Столетова, где располагался дом, в котором жил Волошин. На его звонок в домофон ответила домработница и сообщила, что никого из хозяев нет. Лев Иванович представился и попросил открыть. Он поднялся на восьмой этаж и остановился перед дверью квартиры Волошина, которая была приоткрыта. В щель на полковника весьма подозрительно поглядывала женщина средних лет.

Гуров молча показал раскрытое удостоверение. Домработница поколебалась, но все-таки впустила его.

– А что случилось-то? – спросила она, стоя в прихожей и не давая сыщику пройти внутрь квартиры.

– Ваши документы можно? – вместо ответа попросил Гуров.

Женщина недовольно отступила, достала из сумки, висевшей на вешалке, паспорт и протянула ему. «Татьяна Владимировна Котова» – значилось в нем.

– Татьяна Владимировна, где ваша хозяйка? – спросил полковник.

– По делам уехала, – ответила та и пожала плечами. – Она мне не докладывает, куда именно едет, а я не спрашиваю.

– Она не говорила, когда вернется?

– Говорю же – она мне не докладывает! Она хозяйка, а я прислуга!

– Что ж, значит, пока побеседуем с вами. – Лев Иванович улыбнулся, не желая замечать явно враждебного тона домработницы.

– А мне на вопросы посторонних отвечать запрещено, – тут же сказала Котова. – И впускать их тоже!

– Я не просто посторонний, а полковник полиции, – спокойно напомнил Гуров. – И сюда приехал уж явно не на блины. Так что будьте любезны, ответьте мне.

– Да что случилось-то? – Домработница сменила тон. – Вы хоть объясните толком!

– Объясню в свое время. Для начала скажите, Вадим Юрьевич с женой живут здесь вдвоем?

– Да, вдвоем.

– Во сколько он сегодня уехал из дома?

– Как обычно, наверное. Я пришла в девять, его уже не было.

– А Елена Викторовна?..

– Она как раз собиралась завтракать. Я ей быстро все приготовила, она поела и уехала.

– Она кому-нибудь звонила?

– Она – нет. Но ей кто-то позвонил, – ответила домработница, немного поколебавшись.

– А кто звонил, вы не знаете?

– Нет.

Гуров понимал, что разговор с домработницей вряд ли многое ему даст. Она будет отвечать односложно и, даже обладая полезной информацией, станет тянуть до последнего, лишь бы сказать поменьше. Видимо, она была хорошо вышколена хозяевами и не хотела потерять место из-за своей болтливости.

«Но это может означать, что хозяевам было что скрывать, – подумал Гуров. – Имеет ли это отношение к смерти Волошина? Или же налицо просто нежелание посвящать кого бы то ни было даже в самые невинные подробности своей частной жизни?»

– Татьяна Владимировна, а Вадим Юрьевич обычно завтракает дома?

– Обычно дома, – подтвердила та. – Но сегодня не завтракал.

– А откуда вы знаете? Вы же пришли, когда его уже не было.

– Так раковина пустая, – пояснила домработница и усмехнулась. – И на столе чисто. Или вы думаете, он за собой посуду помыл?

Гуров так не думал, но все же насчет завтрака нужно было уточнить. Пока не определено, чем и как был отравлен Волошин, любая информация, касающаяся пищи, важна.

– Скажите, а его дети здесь часто появляются?

– Практически никогда! – сказала Котова и покачала головой. – Если они и встречаются, то на нейтральной территории. В кафе или еще где.

– А почему?

Котова снова усмехнулась.

– Так это они Вадиму Юрьевичу дети, а не Елене Викторовне.

– Выходит, у них отношения с мачехой не слишком теплые, – скорее утвердительно, чем вопросительно проговорил Гуров.

– Они ее и мачехой-то не считают, – проговорила домработница куда-то в сторону.

Во входной двери послышалось звяканье ключа, и на пороге возникла молодая высокая женщина в длинном светлом пальто. Ее голову прикрывал легкий полупрозрачный шарф, небрежно обмотанный вокруг шеи. Почти половину лица скрывали темные очки. Женщина остановилась на пороге, увидела Гурова и вздрогнула от неожиданности.

– Кто вы? – резко спросила она.

– Елена Викторовна Волошина? – спросил сыщик, в свою очередь.

– Да, а кто вы? – нетерпеливо и, как показалось полковнику, нервно повторила женщина.

– Полковник Гуров, Главное управление уголовного розыска, – поспешил представиться тот.

Женщина быстро схватила его удостоверение и очень внимательно прочитала то, что там было написано. Потом она с сомнением закусил губу и перевела взгляд на домработницу.

– Я ни при чем, Елена Викторовна! – Та с испугом прижала руки к груди. – Не хотела пускать, но он заставил!

– Татьяна Владимировна не виновата, – подтвердил Гуров. – Я имею такие полномочия и должен опросить всех домочадцев.

– Но... с какой стати? – чуть хрипловато спросила Волошина. – В чем дело?

– Елена Викторовна, давайте пройдем в квартиру, – настоятельно предложил Гуров. – Разговор наш с вами вряд ли будет коротким.

– Так я как раз на кухню пойду, не стану мешать! – Домработница была рада уйти.

Волошина чуть помедлила, затем разулась, сняла пальто, осталась в брючном костюме бледно-бирюзового цвета и кивнула в сторону комнаты.

– Пойдемте!

Они прошли через просторный холл, и вдова Волошина провела полковника в одну из комнат – видимо, гостиную. Здесь стояли кожаный диван, два кресла, журнальный столик. На стене висел большой плазменный телевизор. Комната была очень просторной, а из-за минимального набора мебели казалась еще больше.

Елена присела в одно из кресел, взглядом указав Гурову на второе, и тут же закурила и пододвинула поближе пепельницу, стоявшую на журнальном столике. Полковник обратил внимание, что пальцы ее слегка подрагивали. Он заметил, что на этой женщине не было никаких украшений. Ни серег, ни цепочек, вообще ничего такого. Ему это показалось немного странным для дамы ее статуса, однако, возможно, она просто не поклонница украшений.

Елена сидела очень прямо, положив ногу на ногу, и демонстрировала полную официозность.

– Я вас слушаю, – холодно произнесла она.

– Елена Викторовна, когда вы в последний раз видели вашего мужа? – начал Гуров.

– Что за странный вопрос! – заявила вдова и пожала плечами. – Ночью, разумеется!

– А утром?

– Когда он уехал на службу, я еще спала, поэтому не могу утверждать, что его видела. – В голосе Волошиной отчетливо проступала язвительность.

– У вас с мужем общая спальня?

Волошина застыла с сигаретой в руке.

– Послушайте, это уже хамство! – заявила она. – Вам не кажется, что вы переходите границы дозволенного?

– К сожалению, нет! – в тон ей резко ответил Гуров. – И чтобы вам были понятны причины моих хамских вопросов, вынужден сразу поставить вас в известность: ваш муж умер сегодня днем. У ведомства, которое я представляю, есть все основания полагать, что его убили.

Вдова побледнела. Она забыла о сигарете, держала ее в вытянутых пальцах и молчала. Вскоре длинная полоска пепла оторвалась и упала на ковер. Это вернуло Елену к реальности. Она быстро затушила сигарету в пепельнице и тут же закурила следующую.

– Что вы сказали? – переспросила женщина. – Вадима убили?

– Да, именно это я и сказал, – подтвердил Гуров, внимательно следя за ней и пытаясь определить, действительно ли она впервые слышит эту новость, или кто-нибудь из сотрудников департамента успел позвонить ей и предупредить, хотя сыщик и запретил это делать.

Увы, угадать это было сложно. Глаза Елены прятались за темными очками. Полковник не мог видеть их выражение, и его это, признаться, здорово раздражало.

– Вы не могли бы снять очки? – попросил он.

– Что? – выдохнула Елена и поднесла свободную руку к дужкам. – Ах, нет! У меня конъюнктивит – сезонное обострение. Глаза слезятся и, простите, гноятся. Ах, какая это ерунда! – вскричала вдруг она, бросила сигарету в пепельницу и переплела пальцы с такой силой, что косточки побелели. Потом женщина вскочила и принялась ходить по комнате.

– Теперь вы понимаете, чем вызван мой визит и все эти неудобные вопросы? – чуть мягче сказал Гуров.

Елена резко повернулась к нему.

– Почему вы решили, что его убили?

– Потому что наши эксперты предполагают наличие яда. По симптомам. Но это еще нужно уточнить. Вот я и хотел узнать, как себя чувствовал ваш муж, когда уезжал из дома.

Елена криво усмехнулась, потом опустила в кресло и сжала виски.

– Невероятно, – прошептала она. – Невероятно! Именно сейчас!

– Что вы сказали? – переспросил Гуров. – Почему именно сейчас смерть Вадима Юрьевича кажется вам особенно странной?

– Да потому что у него юбилей через два месяца! Он был полон сил, надежд, планов! Поручил мне все организовать! Господи, мы поженились-то совсем недавно! Даже пожить толком не успели! Ничего не успели! – Елена всхлипнула.

Гуров не хотел тратить время на переживание эмоций, поэтому сразу же сказал вдове:

– Понимаю ваше состояние, но, будьте добры, ответьте поскорее на мои вопросы, и я оставлю вас в покое.

Елена достала из сумочки платок и приложила к щекам.

– Да, я понимаю, – уже окрепшим голосом сказала она. – Спрашивайте!

– Вадим Юрьевич принимал какие-нибудь лекарства?

– Регулярно – нет. Периодически пил что-нибудь от головной боли при переутомлении или желудочные, когда пища была слишком тяжелой. Все лекарства хранятся в коробке, в шкафчике. Если они вам нужны, то я их дам.

Гуров кивнул, и Волошина поднялась с кресла. Лев Иванович проследовал за ней в кухню, где она достала из шкафчика круглую коробку и передала ему, даже не раскрыв. Было видно, что вдова напряженно размышляла о чем-то своем.

Гуров тоже думал. По дороге к Волошиной он внимательно изучил все звонки и СМС-сообщения с телефона чиновника – те, что сохранились. Больше всего его заинтересовало СМС, подписанное Сергеем, с предложением о встрече в кафе «Валькирия». Он размышлял, стоит ли спрашивать о нем Елену. Сыщик полагал, что если она заявляет, будто муж уехал раньше ее пробуждения, то станет утверждать, что ей ничего об этом неизвестно. Сообщение от Сергея пришло в восемь утра.

– Елена Викторовна, а сына Вадима Юрьевича вы когда последний раз видели? – спросил он.

– Сергея? – Новоявленная вдова удивленно посмотрела на него. – Не помню. Где-то с месяц назад. Мы вообще редко встречаемся. Вы извините меня, я сейчас в полной растерянности. Мне же нужно что-то делать, да? Проехать для... опознания тела? И заниматься подготовкой похорон, – голос ее дрогнул.

– Вы прежде всего успокойтесь. С похоронами повремените. Тело вашего мужа сейчас у нас в морге, и пока с ним не закончит патологоанатом, о похоронах говорить рано. Справку о смерти врач передаст. Когда будет возможно забрать тело для захоронения, мы сообщим, причем заранее. Так что вам останется только позвонить в агентство ритуальных услуг. Поэтому ответьте все же на мои вопросы. Их пока немного, – попытался успокоить ее Гуров. – Вы не знаете, когда ваш муж встречался с сыном?

– Не знаю! Честно скажу, я не интересовалась этим. Его дети меня не приняли, отношения у меня с ними в лучшем случае нейтральные, вот и все. Сюда они не приходят. А если Вадим и встречается... встречался с ними где-то, то меня в известность не ставил, зная, что мне это неинтересно! – категорично закончила она.

– Что ж, откровенно, – заметил Гуров.

– А зачем мне врать? – Волошина скривилась в усмешке. – Вам ведь все равно об этом расскажут! Его бывшая жена, к примеру. Да и сами дети. Впрочем, они уже далеко не мальчик и девочка! – как-то злобно добавила она.

Гуров сменил тему.

– Елена Викторовна, вы куда-то ездили сегодня, – внимательно глядя на Волошину, сказал он. – Куда именно?

– Ну, это уже точно вас не касается! – заявила та. – И к смерти Вадима отношения не имеет никакого!

«Что ж, не хочешь – не надо, – подумал Гуров. – Все равно узнаем».

Елена же вдруг пристально посмотрела на полковника.

– А вы что же, считаете, что я могла это сделать?.. – медленно проговорила она. – Специально поехала, чтобы отравить мужа?

Не успел Гуров ответить, как Елена вдруг расхохоталась как-то неестественно, похоже на крик птицы. Она смеялась, а из-под темных очков лились слезы. Гуров с недоумением наблюдал за этой сценой. Умом она, что ли, тронулась?

Елена вдруг резко прекратила истерику и двинулась обратно в гостиную, бросив на ходу: – Идемте за мной!

Там она снова опустилась в кресло, закурила и сказала:

– Вы полагаете, что мне выгодна смерть пожилого мужа? Я, молодая и алчная стерва, намеренно его отравила, чтобы стать единоличной владелицей имущества?

– Я этого не говорил, – заметил Гуров.

– Бросьте! – Елена нетерпеливо махнула рукой. – Ежу понятно, что вы так думаете! Это же стандартная картина!

– Ну, не совсем. Случаев, когда молодая женщина выходит замуж за зрелого мужчину, действительно немало. Причем, как правило, мужчина этот весьма обеспечен. Но далеко не все такие вот жены убивают мужей, – проговорил полковник.

– Так вот, чтобы сразу расставить все точки над «і» и сэкономить ваше время, заявляю: у меня не было ни малейшей причины убивать мужа!

– Будьте любезны, расшифруйте, – попросил Гуров.

– Да все очень просто! – с досадой произнесла Волошина. – В свое время Вадим составил завещание, по которому все его имущество переходит детям.

– На тот момент он был женат?

– Да, на Людмиле, – подтвердила Волошина. – Но она и так обеспечена. На нее оформлены квартира и дача. У нее своя машина, какие-то деньги давно лежат на ее счетах. Словом, по завещанию наследниками становились Сергей и Дарья. Потом Вадим развелся и женился на мне, но завещание так и не переписал.

– Вот как? А почему? – поинтересовался Гуров.

– Ну... – Елена задумалась. – Во-первых, Вадим не собирался умирать! Во-вторых, он вряд ли сильно изменил бы условия. То есть Людмила осталась бы при своем, и дети получили бы равные доли. С единственным нюансом: еще одной наследницей должна была бы стать я. Таково мое мнение. Но думать я могу что угодно, поскольку мы с Вадимом не обсуждали этот вопрос.

– Ой ли? – Гуров с сомнением прищурился.

– Не хотите – не верьте, – ответила Елена и равнодушно пожала плечами. – Как вы себе это представляете? Я стану зудеть мужу, мол, перепиши завещание? Составь его в мою пользу? Да он сразу решил бы, что я вышла за него из-за денег!

– А вы, конечно же, руководствовались иными мотивами? – с иронией сказал Гуров.

– Я не стану корчить из себя святую дуру! – зло произнесла Волошина. – Да, для меня важно, чтобы мой муж был обеспечен! Да, я не собиралась связывать свою жизнь с нищим тунеядцем, не способным ни на что в этой жизни! Поверьте мне, я насмотрелась на подобных маменькиных сыночков, которым вечно все должны! А большинство моих сверстников именно таковы! Они даже ради себя самих палец о палец не ударят, зато жить хотят красиво и желательно за чужой счет! Точь-в-точь как Сережка! Нет уж, увольте! – фыркнула она. – Я всегда хотела найти мужа постарше и посolidнее. Но это не значит, что мне был нужен просто денежный мешок и уж тем более что я собиралась его убить! Я хотела действовать по-другому: выждать время, а уже потом заикнуться о завещании. Или хотя бы дождаться, когда его дети станут создавать свои семьи. Даша, кстати, как раз собралась замуж. Вот это и был бы подходящий момент. А теперь все пошло прахом! Я осталась на бобах!

– Ну, не преувеличивайте. – Гуров покачал головой. – Одна только эта квартира стоит больших денег.

– Квартира приобретена Вадимом до брака со мной! То есть она не может считаться совместно нажитым имуществом, – с горечью поведала Елена. – У меня есть машина, оформленная на меня, какие-то деньги на банковской карте, но это сущие пустяки! Так что вскоре досточтимая Людмила Антоновна просто выставит меня отсюда как пустое место!

– С ней можно попробовать договориться по-человечески, – предложил Гуров. – Вряд ли ей слишком нужна эта квартира. Я слышал, что она человек мирный и интеллигентный.

– Ага, вот она интеллигентно меня отсюда и выгонит! Не повышая голоса! – тоскливо сказала Елена, потом все-таки взяла себя в руки, взглянула прямо в глаза Гурову и отчеканила: – Таким образом, смерть Вадима Волошина мне не только невыгодна – она для меня равносильна катастрофе! И кстати, почему вы решили, что это убийство? Я допускаю, что Вадим умер сам! Все-таки он был уже не очень-то молод...

– Врачи утверждают иное, – вставил Гуров.

– А что, вскрытие уже произведено?

– Нет. А вы в этом разбираетесь, имеете медицинское образование?

– Нет, но такие вещи даже дилетанту понятны! И вообще, почему вы именно на меня набросились? Как я могла его отравить, если даже не была в департаменте?

Гуров подумал о том, что отравление могло быть совершено и раньше. Ведь пока не выяснено, что за яд убил Волошина и насколько быстро он действует. Но полковник не стал высказывать эти мысли.

А Елена продолжала отводить обвинения, которых, собственно, Лев Иванович еще и не выдвигал напрямую:

– Ведь смерть Вадима могла быть выгодна кому-то другому! Он же работал в таком ведомстве, которое... Да вы сами понимаете. Его должность многие хотели бы занять!

– Хорошо, допустим, – кивнул Гуров. – Тогда скажите, в последнее время Вадим Юрьевич ни на что не жаловался?

– Что вы имеете в виду? – уточнила Елена, вскинув голову.

– На неприятности по работе, допустим, зависть коллег или ненависть посетителей.

– Нет. Он вообще не любил жаловаться, был вполне доволен и счастлив! Как и я! А теперь... – Она вдруг не выдержала и расплакалась.

Гуров, не ожидавший подобного, несколько удивленно наблюдал за вдовой. Та снова достала платок и с силой принялась вытирать им лицо. Очки она так и не сняла.

Гуров выждал несколько секунд, пока женщина завершит свои манипуляции, и спросил прямо:

– Есть кто-нибудь, кто мог желать ему смерти?

– Если и есть, то мне об этом неизвестно, – хмуро ответила Волошина. – Вадим был неконфликтным человеком.

– А о его служебных делах вам что-нибудь известно?

– Нет, я уже говорила.

– Но вы сами предположили, что мотив убийства вашего мужа может быть связан с его службой, – напомнил Гуров.

– Но я именно предположила! – выделила Елена последнее слово. – Я вовсе не собиралась обвинять кого-то конкретно!

– Хорошо, значит, неприятностей на службе у вашего мужа не было. А Вадим Юрьевич рассказывал вам о своей работе? Неужели не делился просто по-человечески?

– Нет. У нас были куда более интересные темы для разговоров.

– Никто из посетителей не звонил ему домой?

– В смысле?.. – не поняла Елена.

– Ну, к примеру, какие-нибудь клиенты, недовольные его деятельностью?

– Я не привыкла подслушивать телефонные разговоры мужа! – отчеканила Елена ледяным тоном.

«Все с тобой ясно, голубушка! Играешь роль английской королевы? Выпускницы института благородных девиц? Что ж, проверим, насколько ты ей соответствуешь!» – думал Гуров, спускаясь на лифте из квартиры Волошиных.

Выйдя на улицу и сев в машину, он набрал номер Крячко и сказал:

– Стас, привет! Распорядись, чтобы взяли телефон Елены Волошиной на контроль. Фиксировать все ее звонки, и входящие, и исходящие. СМС, разумеется, тоже. И вообще хорошо бы приставить к ней наружку. Но аккуратно.

– Что, молодая вдова ведет себя подозрительно? – осведомился Станислав.

– Ну, есть у меня кое-какие соображения, – уклончиво ответил Гуров.

– А я тебя предупреждал! – назидательно напомнил Крячко. – Может, не церемониться, а взять ее под белы ручки и препроводить к нам в главк? Глядишь, разговорчивее станет!

– И что мы ей предъявим? Еще и результатов экспертизы нет! Кстати, спецы закончили в департаменте?

– Да, уже все увезли в свою лабораторию. Я тоже собираюсь. Как раз закончил беседу с этими чинушами. Все так, как я и предполагал. Мол, у нас все чисто, просто отлично, комар носа не подточит. Волошин сам умер. От счастья, видимо. Не перенес того факта, что у него все в шоколаде! – с досадой проговорил Крячко. – Ну, документы я все изъяс, так что будем разбираться.

– А насчет сына Волошина что?

– Да тут, понимаешь, Лева, какое дело! Телефон его молчит, а живет он с мамой. Ты же вроде к ней собирался? Вот заодно и выясни, где это сокровище обретается. Если дома, так, может, сам с ним и потолкуешь? Чего мне зря мотаться, время терять?

– Хорошо, выясню. Но если его нет, то уж извини, придется тебе поискать. В любом случае встречаемся вечером у нас в главке для подведения первичных итогов.

– Заметано! – ответил Крячко, отключая связь.

Елена Волошина нервно нажимала кнопки на телефоне, несколько секунд напряженно всматривалась в экран, потом четко произнесла:

– Обстоятельства изменились.

– Ты о чем? – послышался мужской голос.

– О том, что наша следующая встреча не состоится, – холодно ответила Елена. – И вообще любые отношения между нами закончены.

Пару секунд висела тишина, потом собеседник, явно не ожидавший такого поворота, спросил:

– Ты соображаешь, что говоришь?

– Вполне, – холодно ответила Елена.

– Та-а-ак, – зловеще протянул собеседник. – Кинуть, значит, меня решила? А если твой муж?..

– Мой муж мертв, – спокойно проговорила Елена. – Так что прощай. – Она нажала кнопку разъединения, а потом и вовсе отключила телефон.

Женщина с удовлетворением думала о том, как сейчас ее собеседник бесится в бессильной ярости. Она откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза и улыбнулась. Ну вот, хотя бы одна проблема решена.

Глава 4

Людмила Антоновна Ступицына открыла полковнику дверь и чуть приподняла брови, тем самым как бы приглашая Гурова представиться и пояснить цель своего визита. Бывшая жена Вадима Волошина проживала в многоэтажке на улице Дмитрия Ульянова.

Лев Иванович назвалсЯ и попросил разрешения войти.

– Ах да, – тихо сказала та. – Вы по поводу Вадима?

– А откуда вы знаете? – не скрыл своего удивления Гуров.

– Мне Татьяна позвонила, – пояснила Ступицына. – Домработница.

– Вы с ней знакомы?

– Разумеется, – ответила Людмила Антоновна. – Она работала еще у моих родителей, когда приехала в Москву. Ее мать – родственница моего отца, вот и прислала дочку в столицу... по-родственному. – Она усмехнулась.

– И ваш отец взял ее домработницей? – уточнил Гуров.

– Ну а что еще можно предложить девочке, приехавшей из сибирской деревни? – пожала плечами дочь профессора Ступицына. – В институт она не поступила, окончила кулинарное училище, сперва жила у нас, потом комнату в общежитии получила. А позже папа ей помог ее приватизировать, продать и купить комнатку в очень хорошей коммуналке. Мы с ней почти ровесницы, так что я хорошо все это помню. Но мы, кажется, отвлеклись? – Она посмотрела Гурову в глаза.

Выражение лица ее нельзя было назвать скорбным или трагичным. Женщина не плакала, не убивалась, говорила очень ровным тоном. Она пригласила Гурова в комнату, где они сели в мягкие кресла, ни чаю, ни кофе не предложила, всем своим видом выразила, что готова уделить ему внимание и ответить на вопросы, но только в рамках его служебных обязанностей.

На кожаном диване сидел мужчина средних лет кавказской внешности, с благообразной сединой на тщательно подстриженных висках. При появлении Гурова кивнул, вежливо улыбнулся и собрался было представиться.

Но хозяйка дома опередила его и сказала:

– Это Сурен Робертович Саркисов, наш семейный врач.

Гуров заметил, что при такой беседе, наверное, не стоит присутствовать постороннему человеку, но Ступицына сразу же запротестовала:

– Нет-нет, Сурен Робертович отнюдь не посторонний! Он, можно сказать, член нашей семьи. И Дашу наблюдает с самого рождения, и Сережу!..

Саркисов снова благожелательно кивнул и пригладил свои безупречные виски.

– Что ж, дело ваше, – согласился Гуров.

Через несколько минут беседы полковник с удивлением обнаружил, что бывшая супруга Волошина осведомлена о многих вещах, касающихся Вадима Юрьевича, куда лучше, чем жена нынешняя. О нем самом она отзывалась только хорошо. Полковник не услышал ни слова упрека в его адрес.

Что же касается Елены, то Людмила Антоновна предпочитала не упоминать ее имя. Если же это не удавалось, то она использовала нейтральные формулировки. Никакого базарного тона, оскорблений или просто негатива в адрес соперницы Гуров не услышал. При этом Людмиле Антоновне вполне удалось продемонстрировать ледяное презрение к Елене.

Что же касается вопросов о службе Вадима Юрьевича, то Людмила Антоновна перечислила полковнику тех, с кем у того были более-менее приятельские отношения. Она подчеркнула, что закадычных друзей в департаменте Волошин не имел. И вообще друзей как таковых у него не водилось. Он был человеком довольно замкнутым и сосредоточенным на собственных интересах.

Гуров попытался намекнуть на то, что учреждение, в котором работал Волошин, а также его должность могли быть соблазном для коррупции, но Людмила Антоновна холодно отмела подобные предположения. По ее словам, Волошин был человеком честным и добросовестным. Он достиг нынешнего положения благодаря своим личным качествам.

Правда, она не удержалась от того, чтобы не упомянуть при этом своего отца, который все же поспособствовал продвижению бывшего зятя по карьерной лестнице. Но заключалось это, по словам Людмилы Антоновны, лишь в дельных советах, которые давал Волошину тесть, обладавший огромным жизненным опытом и незаурядным интеллектом.

Гуров чувствовал, что Людмила Антоновна относится к своему отцу с большим почтением. Он подумал, что женщина и девичью фамилию сохранила только для того, чтобы все знали, кто ее отец. Статус дочери Ступицына был для нее куда более значимым, чем жены Волошина.

Слушая ее, Гуров подумал, что Людмила Антоновна отвечала на каждый его вопрос, но вообще-то не представила какой-либо действительно ценной информации. Все сведения были вроде бы правдивыми, но не информативными. Она так стремилась соблюсти приличия, что не позволяла себе упомянуть ни о чем таком, что могло бы бросить тень на бывшего мужа или ее саму.

Но полковник и не рассматривал ее в качестве источника сведений по, скажем, департаменту. Заниматься этим ведомством было поручено Крячко. Гуров не сомневался в том, что тот отлично справится с этой миссией. Уж он-то выяснит всю подноготную взаимоотношений Волошина как с коллегами, так и с посетителями, а также обратную сторону его служебной деятельности, если таковая имелаась.

Лев Иванович решил как можно больше выяснить у Ступицыной о внутрисемейных отношениях. В первую очередь его волновал их с Волошиным сын Сергей. Но сыщик не успел задать этих вопросов. В прихожей открылась дверь, и Ступицына тут же поднялась.

– Мама! – В комнату почти вбежала девушка лет двадцати пяти.

Глаза ее были широко распахнуты, на ресницах повисли слезы.

Сурен Робертович, до этого ничем не выдававший своего присутствия в комнате, быстро поднялся, скользящей походкой подошел к девушке и взял ее за руку, шупая пульс.

– Дашенька, тебе нельзя волноваться, – мягко проговорил он, однако девушка игнорировала его замечание и выдернула руку.

– Мама! Это правда? – Она бросилась к Людмиле Антоновне, готовая разрыдаться.

Мать сдержанно положила руку на плечо дочери и произнесла:

– Даша, у нас в гостях полковник полиции. Он расследует смерть отца. Мне нужно ответить на несколько его вопросов.

Девушка тут же перевела взгляд на Гурова, тот кивнул и проговорил:

– Примите мои соболезнования, Дарья Владимовна.

Она закусила губу и усилием воли заставила себя сдерживать слезы, готовые вырваться наружу. Мать смотрела на нее, сохраняя полное спокойствие. Видимо, она и детей с младых лет приучала сохранять выдержку. И если с дочерью ей это более-менее удалось, то насчет сына у Льва Ивановича были сомнения.

– Да, – медленно проговорила она, опустив голову. – Конечно. Мы не будем вам мешать. Пойдем, Игорь.

Гуров увидел, что в комнату вслед за Дашей вошел мужчина. Он казался старше нее – возможно, из-за небольшой аккуратной бородки, переходящей в тонкие бакенбарды. Своим видом мужчина напоминал молодого, но перспективного ученого. По всей видимости, это был Дашин кавалер.

Сама девушка не блистала красотой. У нее была тяжеловатая нижняя челюсть, густые брови низко нависали на глаза, что придавало ее лицу мрачное выражение. Но при этом страш-

ненькой ее тоже нельзя было назвать. Картину очень удачно исправлял неприкрытый интеллект в глазах, а также волосы – густые, темно-русые, спускающиеся по спине тяжелыми крупными волнами.

– Даша, я должен тебя осмотреть, – с легким кавказским акцентом произнес врач.

– Не стоит, Сурен Робертович, я в порядке, – отказалась Даша, но Саркисов настоял, мотивируя это тем, что специально приехал по просьбе матери и это не займет много времени.

Даша пожала плечами и двинулась в сторону комнаты.

– Подождите немножко, – остановил ее Гуров. – Всего на пару минут. Даша, вы когда последний раз разговаривали с отцом?

– Позавчера вечером, – не задумываясь, ответила та.

– И о чем? Вы уж простите, что мне приходится задавать такие вопросы. Это моя работа, – чуть извиняясь, сказал полковник.

– Да это не секрет, – проговорила Дарья. – Мы обсуждали предстоящую свадьбу.

– Вашу? – уточнил Гуров.

– Ну да. – Даша бросила чуть смущенный взгляд на своего спутника, который тут же взял ее под руку – видимо, для достоверности.

– И когда же она состоится? – спросил Лев Иванович и вежливо улыбнулся.

– Ой!.. – Даша вдруг осеклась и замотала головой. – Я теперь даже и не знаю. В связи с тем, что отец... что отца...

– Мы хотели провести торжество двадцатого ноября, – подал голос ее жених. – Уже и кафе заказано на эту дату. Вряд ли удобно переносить.

– Но, Игорь, ведь теперь вообще непонятно, как все будет!.. – Даша растерянно оглянулась на мать, взглядом прося у нее помощи.

– Мы обсудим этот вопрос позже, в семейном кругу, – спокойно произнесла та, обращаясь к ним обоим. – Господин полковник, у вас есть еще вопросы к детям?

«К детям» у полковника вопросы были, точнее, больше к Дарье, чем к ее жениху. Тот явно расстроился из-за возможного переноса свадьбы. Было очевидно, что это волнует его больше, чем смерть потенциального тестя. Что ж, его в принципе можно понять. Это его невесте Волошин был родным отцом, а ему он, по сути, посторонний человек. Однако Игорь постарался взять себя в руки, надел на лицо вежливую маску и вопросительно посмотрел на Гурова.

– Можете идти, – разрешил полковник, подумав, что может побеседовать с этой парочкой и позже, если в том будет нужда. – Один только вопрос к вам, Даша. Вы своего брата когда в последний раз видели?

– Сережку? – Дашины брови взлетели вверх, лоб открылся, отчего лицо ее сразу стало выглядеть моложе и милее. – Вчера днем. Когда я уходила, он спал.

Людмила Антоновна поморщилась. Было очевидно, что если бы этот вопрос задали ей, она ответила бы в другой форме – без применения уменьшительно-ласкательных суффиксов и интимных подробностей жизни своего отпрыска.

– Он не собирался встретиться с вашим отцом?

– Мне, во всяком случае, он об этом не говорил. – Дарья покачала головой, после чего они с женихом направились в другую комнату.

Вслед за ними вышел и доктор Саркисов.

– А почему вы спросили о Сергее? – задала вопрос Людмила Антоновна, едва они остались одни.

– Просто он приходил сегодня на работу к Вадиму Юрьевичу. Был пьян и устроил скандал. Вы что-нибудь об этом знаете?

На лице Ступицыной нарисовались неподдельное изумление и недоверие. Полковник понял, что может не сомневаться – она ничего об этом не знает.

– Впервые слышу, – пролепетала женщина, и лицо ее стало покрываться пятнами. – А вы уверены? Откуда у вас такая информация?

– При этом скандале присутствовали несколько человек, – сообщил Гуров. – Он произошел в кабинете Вадима Юрьевича.

– Не может быть, – прошептала Ступицына. – Это невероятно!

– Людмила Антоновна, где ваш сын был с утра? – спросил Гуров.

Ступицына впервые за все время беседы замешкалась. Взгляд ее, беспокойный, бегающий, показывал, что она колеблется, говорить ли полковнику правду.

Наконец здравый смысл все же возобладал в ней, и она быстро сказала:

– Я этого не знаю. Он не ночевал дома.

– Вот как? Где же он ночевал? – осведомился Гуров очень любезно.

Людмила Антоновна несколько раз сжала и разжала пальцы, что должно было означать высшую степень волнения.

Затем женщина поняла, что таким образом она только сильнее компрометирует собственного сына в глазах полковника полиции, и ответила:

– Этого я тоже не знаю. Он ушел еще вчера с вечера, сказав, что не придет.

– Вы поссорились?

– Немного. Из-за отца. В смысле, из-за его отца. Сергей обижался, что Вадим, с тех пор как женился вторично, совсем потерял к нему всякий интерес. Но уверяю вас, это не так! Просто Сережа сейчас в таком возрасте, когда подобные вещи воспринимаются весьма обостренно. На самом деле Вадим очень хороший отец. Был хорошим отцом, – поправились она.

– Вам о чем-нибудь говорит вот это? – Гуров показал Ступицыной СМС-сообщение, которое сын прислал Волошину.

Ступицына прочла текст, в котором говорилось о встрече в кафе «Валькирия», и удивленно посмотрела на полковника.

– Я впервые слышу, что Сергей собирался поговорить с отцом, – сказала она.

– И вы не в курсе, состоялась эта встреча или нет?

– Мне ничего об этом неизвестно, – медленно проговорила Людмила Антоновна. – Но если они встретились, то зачем Сергей потом приезжал в департамент?

– Я полагаю, что они не встретились, – заявил Гуров и покачал головой. – Мне пока непонятно, почему так вышло.

– Разрешите?.. – Ступицына попросила листок, на который Гуров выписал текст и номер, с которого пришло сообщение.

Она внимательно все прочла и с сожалением покачала головой.

– Это номер вашего сына? – уточнил Гуров.

– Нет, – ответила Людмила Антоновна. – Мне вообще все это не слишком-то ясно. Зачем Сережа посылал СМС с чужого номера?

– А чей это номер, вы не знаете? – спросил полковник, увидел замешательство в глазах Ступицыной и предложил: – Давайте-ка проверим, нет ли его в вашем телефоне, среди контактов.

В мобильнике Людмилы Антоновны данный номер не значился. Она не получала с него никаких звонков или сообщений. У Гурова возникли некоторые подозрения. Ступицына же вообще ничего не понимала.

– Господи, где же сам Сережа? – Ей уже с трудом удавалось сохранить хладнокровие. – Я попробую позвонить на этот номер! – решительно сказала она.

Гуров не возражал, и Ступицына быстро набрала цифры номера, с которого было послано злополучное СМС.

– Абонент недоступен... – сообщила она растерянно.

– Попробуйте обзвонить друзей-приятелей сына, – предложил Гуров. – Если найдете его раньше, чем мы, то передайте, чтобы он сразу же связался со мной вот по этому номеру. – Полковник протянул Ступицыной свою визитку.

– Вы сказали «раньше, чем мы». Значит, вы его тоже ищите? Но зачем? Он же здесь совершенно ни при чем!

– Он важный свидетель, Людмила Антоновна, – пояснил полковник. – И нам просто нужно с ним поговорить. Не беспокойтесь.

Но Ступицына уже разволновалась. Толку от нее не было, и Гуров не стал терять время на дальнейшие расспросы. Он отправился в департамент, чтобы оттуда вместе со Станиславом вернуться в главк.

Вечером Гуров и Крячко пришли в кабинет генерал-лейтенанта Орлова. Им предстояло обменяться полученными сведениями, поделиться возникшими версиями и определить дальнейшие пути работы.

Первым взял слово Гуров. Он коротко рассказал о том, что ему стало известно в департаменте, а затем о своих визитах к обеим вдовам погибшего. Орлов слушал внимательно, но никаких комментариев во время монолога Льва Ивановича не вставлял.

Когда тот закончил, Орлов спросил:

– Какое впечатление на тебя произвели эти дамы?

– Первая, фактическая вдова Елена Викторовна, явно что-то скрывает.

– Наружку к ней приставили, – опережая вопрос Гурова, сказал Крячко. – Пока сидит дома, никуда не выходила сегодня. Хорошо бы еще телефон на прослушку поставить.

– Я подумал об этом, – проговорил Гуров. – У меня с собой аппаратуры не было. Но номер ее взят на контроль, так что о всех входящих и исходящих нам будет известно. Понаблюдаем, посмотрим. Понадобится – поставим на прослушку. Это вопрос техники. Насчет же бывшей жены Волошина Людмилы могу сказать, что это дама крайне сдержанная и хладнокровная. Профессорская дочка как-никак. На первый взгляд – безупречная вежливость и воспитание. Но не удивлюсь, если окажется, что она способна на многое.

Орлов нахмурился и что-то черкнул в своей записной книжке. Гуров заявил, что закончил свой отчет. Затем слово взял Крячко. Он провел в департаменте куда больше времени, чем Лев Иванович, и начал рассказывать именно об этом.

– Значит, наш покойник занимался выдачей разрешений на открытие разного рода ИП, ЧП и прочих ООО, – заявил Стас.

– На строительство? – уточнил Орлов.

– Нет, именно на открытие. Строить никто ничего не собирался, только арендовать уже готовые помещения. То есть Волошин сотрудничал с представителями мелкого и среднего бизнеса. Тут есть еще один нюанс. Помимо разрешения, бизнесмены могли получить и деньги. Ну, как бы в качестве стартового капитала. На оборудование там, ремонт, если требуется, на рекламу. Подъемные, одним словом.

– Безвозмездно? – снова вставил Орлов.

– Не совсем. Беспроцентная ссуда, к тому же не ограниченная сроками. То есть человек развивает свой бизнес, расширяется, доходы его увеличиваются. И вот когда они уже вырастут достаточно, он начинает потихоньку возвращать долг. Как может. Согласись, условия райские!

– Да уж, – заметил Орлов. – Что же это за благородная организация, которая так легко раздает деньги направо-налево и даже процентов не имеет?

– В чем подвох? – вмешался и Гуров.

– Никакого подвоха, Лева, циничная твоя душа! – Крячко укоризненно помотал указательным пальцем. – Разумеется, чиновники выдают деньги не из собственного кармана. Этот департамент был открыт в рамках президентской кампании по поддержке малого и среднего

бизнеса. Сами знаете, у нас сейчас государство с этими очаровашками носится как курица с яйцом. Контора заработала шесть лет назад. За это время предпринимателям было выделено немало средств. Случались, конечно, и отказы. Общий баланс примерно пятьдесят на пятьдесят. И я думаю, что копать нужно именно в этом направлении.

– Поясни. – Орлов спокойно взглянул на него из-под очков.

– А что тут пояснять? Волошин мог дать добро, а мог и не дать, – проговорил Крячко. – По всей видимости, тот человек, которому он отказал, затаил на него злобу.

– Не сходится, – возразил Гуров. – Получается, что человек заранее принес яд? Откуда он мог знать, откажет ему Волошин или нет?

– К тому же подобные вопросы, наверное, не один Волошин решает? – поддержал его Орлов.

– Вот не скажи, Петр! – Крячко снова многозначительно поднял палец. – Решает, конечно, не один Волошин. Он лишь принимает заявки, которые потом обрабатываются и обсуждаются советом из числа высших чинов департамента. После этого выносятся вердикт – дать или не дать. Но тут есть маленький нюанс. Волошин, равно как и другие сотрудники, занимающие подобные должности, может принять заявление или же завернуть его сразу, не сходя с места. Имеет полное право, таковы порядки в департаменте. Усекаете, да? Волошин может единолично перекрыть кому-либо кислород. То есть от него многое зависит! – Крячко с победным видом откинулся на спинку стула и принялся раскачиваться на нем.

– И все равно, – после паузы произнес Гуров. – Отравление – это не поножовщина и не драка. Можно было бы понять, если бы человек в приступе гнева задушил Волошина, ударил по голове дыроколом или ткнул ножом для разрезания бумаги. Но он принес яд! А его, как известно, в гастрономах не продают. Значит, он им запаса заранее и хладнокровно подсыпал. Причем непонятно куда. Это означает, что убийство было спланированным и преднамеренным.

– Да еще и яд такой, что над ним наши эксперты который час голову ломают! – с досадой признался Орлов. – Сколько возятся – никак не определяют, что это за штука и как она попала в организм Волошина. Остатки пищи проверили – все чисто.

– Так я продолжу? Я еще не закончил, – напомнил о себе Крячко. – Я раздобыл у секретарши список сегодняшних посетителей. Вот он. Всего за утро Волошин успел принять пять человек – все так, как запланировано. Правда, учитывая, что он задержался с утра почти на целый час, прием велся в экспресс-режиме. Секретарша говорит, что обычно он появлялся на месте ровно в девять.

– А почему сегодня задержался, ты не выяснил?

– Волошин не отчитывался о своих задержках перед секретаршей. А больше никто этим и не интересовался.

– Он кого-то предупреждал об этом?

– Если и да, то никто не признался.

– Жаль. Может быть, он встречался с кем-то из сотрудников департамента? Хорошо бы выяснить. Вдруг кто-то из них тоже приехал с опозданием на час?

Гуров задумался, вспоминая разговор с Екатериной Крутицкой. Она упоминала о том, что Сергей, скандала с отцом, обвинял его в том, что тот не пришел на встречу с ним. Речь о кафе «Валькирия»? Где был Волошин сегодня утром? С кем встречался? Ответ на эти вопросы мог дать, пожалуй, лишь сам Вадим Юрьевич, которого, увы, уже не спросишь. Значит, нужно искать иные варианты получения информации.

– Кстати, ты не нашел Сергея Волошина? – обратился Гуров к Крячко.

– Нет. Как в воду канул! Ни у друзей, ни в барах-кафе его нет.

– А в институте?

– Тем более! – выразительно произнес Крячко.

– Все равно нужно искать. – Гуров озабоченно покачал головой. – Не нравится мне его исчезновение.

– Найдем! – уверенно проговорил Крячко. – Вернемся в нашим баранам, то есть к списку посетителей Волошина?

– Разумеется. Давай перечисляй.

– Значит, первым явился некто Дружников Семен Аркадьевич. Бизнес у него не мелкий, всякие спортивные объекты. Сам бывший спортсмен, имеет ряд наград, всяких там дипломов и прочего. Одно время работал тренером, потом ударился в бизнес. Занимается открытием детско-юношеских спортивных школ. Участвует во всяких мероприятиях, посвященных спорту, вообще вполне респектабельный и уважаемый человек. К Волошину обращается не первый раз, отказа не получал никогда. И на этот раз тот заявку у него принял.

– Думаю, что к нему вряд ли могут быть претензии, – высказал свое мнение Орлов. – Никакого мотива для убийства Волошина у него не было.

– На первый взгляд, – подражая самому Орлову, выразительно подчеркнул Крячко. – Категорически списывать со счетов нельзя никого.

– Согласен, давай дальше.

– Дальше идет некий гражданин по фамилии Собакин. Я с секретаршей общнулся на предмет этого персонажа. Так вот она говорит, что у него и характер соответствовал фамилии. По ее словам, это крайне вредный и вздорный старикашка. Он, кстати, тоже частый гость в департаменте, но в отличие от Дружникова ни одна его заявка удовлетворена не была.

– А вот он мог затаить зло на Волошина, – задумчиво сказал Орлов. – В надежде на то, что на его место придет другой чиновник, который отнесется к Собакину иначе.

– Но если он спланировал его убить заранее, зачем было делать это в департаменте? – задал резонный вопрос Гуров. – Чего ради так светиться?

– А где еще ему его убивать? – возразил Крячко. – Волошин не из тех, кто по темным переулкам шатается! Из департамента вышел, прыг в машину – и домой! А там до подъезда пять метров! И дом элитный, охраняемый.

– Все равно как-то неосторожно. Даже глупо!

– А почему убийца непременно должен быть умным? – рассердился Крячко, которому казалось, что Гуров на корню зарубает любую версию, не оставляя простора для работы.

– Давайте не будем рисовать психологический портрет убийцы, – заявил Орлов и махнул рукой. – Сейчас не тот случай. Нам надо устанавливать яд и источник его попадания в организм Волошина! Когда мы это узнаем, станет ясно, куда двигаться дальше.

– Вообще-то это вопрос не к нам, а к экспертам, – огрызнулся Крячко. – И по твоей логике получается, что, пока они его не выявили, мы можем спокойно сидеть на диване.

– Даже не надейся! – одернул его Орлов. – Давай дальше по твоему списку! Я почти уверен, что яд подсунил кто-то из посетителей Волошина.

– Из чего это следует? – спросил Гуров.

– Из того, что яд начал действовать через нескольких часов. Дома, судя по всему, Волошин не завтракал. Грязной посуды же не было!

– Это домработница сказала, – заметил Гуров. – Жена подтвердила.

– Ты считаешь, что они сговорились? Лично мне эта версия представляется абсурдной. Домработницу кто-то мог использовать как инструмент, но это не жена Волошина. Скорее всего, преступник вообще не живет в этом доме. Но я сейчас сосредоточен на посетителях департамента.

– Значит, имеются еще две дамочки, Светлова и Шляпникова, – зачитал Крячко. – Первая молодая, двадцать шесть лет, вошла сразу после Собакина. Хочет открыть салон красоты. Заявку приняли. Вторую Волошин принимал под занавес, непосредственно перед окончанием

приема и обедом. Зовут ее Маргарита Максимовна, торгует мехами. Имеет три магазина, но очень хочет четвертый. Заявку Волошин также принял.

– На первые три магазина деньги получала в департаменте?

– Нет, сама накопила. Наверное, откладывала с зарплаты продавца, которым работала десять лет назад. Недоедала, недосыпала, бедняжка!.. – Станислав сочувственно вздохнул. – Но потом, видимо, решила, что пора бы государству помочь бедной женщине, и обратилась в департамент. По моему мнению, ей отказали бы.

– Так, в итоге получается четверо, – подсчитал Орлов. – Ты говорил, что Волошин принял пятерых. Кто остался?

– Остался некто Магнитский Виталий Игоревич. Но дело в том, что его Волошин не принимал. Просто потому, что тот не пришел.

– Почему? – спросил Орлов и нахмурился.

– А я почему знаю. – Крячко пожал плечами. – Это у него надо спросить!

– Может быть, и не надо, – вставил Гуров. – Если его не было в департаменте, то...

– Ха, ха, ха! – четко и раздельно произнес Крячко, глядя прямо в глаза своему другу. – А вот тут ты, Лева, проявил просто чудовищную оплошность! Прямо-таки непрофессионализм, непростительный для опера-важняка! И где только твоя хваленая интуиция?

– Ладно, не паясничай! Выкладывай, что пронюхал, – одернул Станислава Орлов, уже понявший, что у того в рукаве припасен крупный козырь, которым он с удовольствием собирается сейчас побить карту Гурова.

– Этого Магнитского надо не только спрашивать, а проверять самым тщательным образом! Я вот не поленился и навел о нем справки. Меня, понимаешь, смутил этот факт, что человек, записавшись предварительно, вдруг пропускает очередь, которой люди месяцами дожидаются!

– Ну, молодец! – со скрытой усмешкой похвалил приятеля Гуров. – Давай срази меня наповал!

Крячко подмигнул и довольно проговорил:

– Магнитский этот оказался интереснейшей личностью, судя по предварительным сведениям, которые я на него собрал. Доморощенный изобретатель. Хочет открыть свою то ли мастерскую, то ли лабораторию, но так как в кармане у него постоянно зияет огромная дыра, сам этого сделать не может. Вот и обращается в разные инстанции. Департамент по развитию малого и среднего бизнеса – лишь одно из мест, где он обивает пороги. Куда только не мотался со своими изобретениями этот Магнитский! Причем везде пытался продемонстрировать их наглядно. Видимо, это его главный аргумент. Ну, где-то его сразу вежливо послали, где-то ссудили какие-то гроши, чтобы отвязаться. Но Магнитский оказался человеком дотошным, и настырный характер в конце концов привел его в департамент к Волошину. Вадим Юрьевич, надо сказать, отказал ему сразу.

– Изобретатель, говоришь? И что же он изобретает? – спросил Орлов.

– Вот, я запросил на него данные и получил полный перечень того, что он пытался запатентовать. Да, он и за патентами обращается постоянно, стараясь получить авторство. Но официально за ним признали лишь капли от насморка. Все остальное забраковали. Я вам полный список его творений зачитывать не буду, иначе мы тут до утра просидим, скажу лишь, что в основном это химическая продукция. Препараты для омоложения, повышения потенции, для деторождения, лекарства от рака, от туберкулеза, даже от СПИДа, от – внимание! – слабоумия, облысения и все в таком духе.

– А вот это интересно! – Орлов оживился. – Если он такой гениальный химик, то вполне мог синтезировать какой-нибудь хитрый яд! Поэтому его и не могут определить наши специалисты.

– Я именно об этом и подумал! – довольно сказал Крячко. – Потому и оставил его напоследок.

– Так, сейчас почти девять, – сказал Орлов, посмотрев на часы. – Ладно, сегодня не стоит, а вот завтра, Стас, прямо с утра сразу к нему! Не заезжая в главк! И весь этот перечень его препаратов сейчас же передай нашим экспертам – глядишь, разберутся. Он, я так понимаю, дома работает?

– Да, у него там подобие лаборатории. Человек он одинокий, так что может себе позволить. Но хочет, конечно, отдельное помещение. Квартирка у него маленькая, однушка. Наверное, все чудодейственные средства там уже не помещаются! – Крячко хмыкнул.

– Квартиру его надо осмотреть самым тщательным образом! – Орлов даже привстал из-за стола. – Значит, так, Стас! Ехать к нему не одному, а сразу со специалистами. Пусть изымают всю его продукцию – абсолютно всю! – и везут к нам на анализ. Ордер я выпишу. Далее... – Орлов перевел дух и посмотрел на Гурова. – Лева, тебе проверить всех остальных посетителей. Много времени на них не трать, но и халтурно не относись. Обоих вдов пока больше не трогаем – ждем, когда будут результаты по посетителям. На первом плане – Магнитский. Вдруг завтра уже раскроем это убийство? – Орлов не мог скрыть своего радостного возбуждения.

Гуров в принципе порадовался бы, если бы убийство Волошина было раскрыто уже завтра, но почему-то не слишком верил в такой успех. Да, Магнитский – самая подходящая кандидатура на роль отравителя. Но не мог же он сам этого не понимать! Пришел, отравил и решил, что никто ничего не заподозрит? Абсурд! Тем более если он сам химик или медик, то должен понимать, что судмедэкспертиза сразу установит смерть от отравления.

– А кто он по образованию, этот Магнитский? – спросил Лев Иванович.

– Учился в медицинском университете, отделение фармакологии. Но потом оттуда ушел. Точнее, его отчислили за непосещаемость. Наверное, решил, что и сам достаточно умен, никакие университеты ему не нужны, – с усмешкой проговорил Крячко.

– Так, все данные на него!.. Понятно? – Орлов никак не мог успокоиться, все расхаживал по кабинету. – Эх! – Он с сожалением вздохнул. – Чутко бы пораньше про него узнать – я бы уже сегодня вас к нему отправил!

– Ничего, до завтра подождет. – Станислав махнул рукой. – В свете обнаруженных сведений предлагаю дальнейшую работу по остальным посетителям остановить.

– Кое-кто тут пенял мне на оперативный непрофессионализм и хвастался своей замечательной интуицией, – вмешался Гуров. – Так вот, даже отбросив интуицию, могу заявить, что подобный подход является возмутительным дилетантством. Мы не можем сбрасывать со счетов остальных посетителей, не проверив каждого досконально! Даже если никто из них не причастен к этому преступлению, все они как-никак свидетели. Хоть кого-то ты пытался проверить? Или обрадовался, что уже нашел виновного?

– Ну, знаешь, Лева, ты уж совсем меня обидеть хочешь! – возмутился Крячко. – Прямо в пыль обратился!

– Беру пример с тебя, – холодно отозвался Гуров, задетый сомнением Крячко и критикой в собственный адрес.

– Все, хватит! – Орлов пристукнул кулаком по столу. – Развели тут базар! Прямо как дети малые, ей-богу! У нас убийство, если вы забыли!

– Вот я и пытаюсь его расследовать, – смутить Крячко было нельзя. – Я самолично обзвонил всех посетителей и пригласил их в главк. Допросить подробно каждого мне не удалось, поскольку других забот полно было – так, побеседовал в легкую. Петр, ты выделил бы дополнительных людей, что ли! Ну, не можем же мы с Левой сами всю текущую ерунду на себя брать! Пусть сержанты хотя бы на телефонные звонки отвечают.

– Ага, прямо сей момент и выделяю, – буркнул Орлов. – У меня и так все задействованы! Из себя я людей, что ли, выдавливать буду по молекулам? Что в итоге с этими посетителями?

– Я их передал экспертам, те взяли смывы с рук. Результаты обрабатываются. Тут загвоздка в том, что они сам яд пока что не идентифицировали. Так что стопроцентно заявить, что у кого-то на руках остались следы яда, не получается. Пока. Нужно ждать.

– Нет у нас времени. Нельзя ждать, – заявил Орлов и покачал головой.

– А придется, – заметил Гуров. – Химические процессы не поторопишь. Что ты решил в итоге с посетителями? Отпустил? – спросил он напарника.

– А что мне оставалось делать? Подписку взял, разумеется. Прямых улик против них нет, задерживать всех – в камерах места не хватит.

– Ну, место мы уж как-нибудь нашли бы, – ворчливо заметил Орлов.

– Петр, это же тебе не шелупонь всякая! Порядочные, уважаемые люди! Их попробуй задержать без достаточных оснований – такой хай поднимут! Да одна только эта Шляпникова нас всех с потрохами съест! Пообщался я с этой бабенкой несколько минут – как дерьма накушался! Ты же потом сам нас костерить станешь.

– Ладно. – Орлов осторожно поправил очки на переносице. – Тут и впрямь не знаешь, как будет лучше. Отпустишь кого не надо – скажут, преступника проворонили. Задержишь – будешь виноват в притеснениях порядочных граждан. Ах, господи! Скорее бы на пенсию!

– Ладно приbedнаться-то, – с усмешкой сказал Крячко. – Это ты только на жалость давишь. А коснись дела – со своего кресла добровольно не уйдешь.

– Вот садись в него сам и побудь в моей шкуре. – Генерал-лейтенант вздохнул.

– Боже меня упаси! – Крячко театрально схватился за сердце. – Я же кто? Так, мелкота, мальчишка на побегушках! Это вон Лев Иваныч у нас мозг и прирожденный руководитель, вот он пусть и метит в барское кресло!

– Завидует! – иронично прокомментировал Гуров.

– Не мальчишка на побегушках, как ты выражаешься, а отличный исполнитель, – заявил Орлов.

– Да я и не жалуясь. – Станислав махнул рукой. – Мне на вторых ролях куда как комфортнее. Сейчас приду домой да спать лягу без всякой головной боли!

– Она у тебя вообще болит когда-нибудь, голова-то? – полюбопытствовал Гуров.

Крячко проигнорировал его выпад и спросил Орлова:

– Так что, на сегодня все? Можно по домам?

– Погоди-ка, – остановил его Гуров. – Еще один момент. Что говорят наши специалисты по связи? Мобильник Волошина проверили?

– Да, – сказал Орлов. – Вот у меня результаты.

Он положил перед Гуровым и Крячко распечатку. Сыщики быстро пробежали ее глазами.

– На первый взгляд нет никаких посторонних и подозрительных контактов, – резюмировал Лев Иванович.

– Именно на первый, – подчеркнул Орлов. – Потому что у меня, например, вызывает подозрение вот это СМС-сообщение. – Генерал-лейтенант ткнул пальцем в распечатку.

«Буду 8.30», – эти слова Волошин послал на номер, который не значился в его контактах.

– А с этого самого номера Волошин утром получил сообщение, подписанное «Сергей», в котором тот просит о встрече. Но самое интересное в том, что номер этот Сергею не принадлежит, он вообще нигде не зарегистрирован! – продолжал Орлов.

– То есть кто-то просто подписался именем сына? – спросил Крячко, наморщив лоб.

– По всей видимости, да. Но вот зачем? Можно было бы списать на розыгрыш, если бы не убийство Волошина, состоявшееся в тот же день. Мне такие совпадения не нравятся, поэтому я считаю важным как можно скорее отыскать Сергея Волошина.

– А ответное сообщение от отца на какой номер пришло? – спросил Гуров.

– На тот же самый, с которого отправлял СМС неизвестный тип.

– Но это значит, что у Сергея был этот номер, раз он прочитал СМС, – сделал вывод Гуров.

– А кто тебе сказал, что он его прочитал? – возразил Орлов. – Сергей мог просто поехать в кафе, уверенный в том, что отец не откажет ему и тоже придет. Кстати, если верить Волошину, в кафе он проезжал зря – Сергей там так и не появился. Может быть, он сам решил так подшутить над отцом?

– Тогда зачем пользовался чужим номером? Да, мутная история с этими СМС, – проговорил Гуров. – Будем разбираться. Что-нибудь еще интересное есть?

– Вот, к примеру, тоже любопытный звоночек. – Орлов ногтем провел полосу на распечатке.

Там был прописан номер, возле которого стояла фамилия – Рокотов.

– А кто это? – полюбопытствовал Крячко.

– Довольно известный нотариус. Волошин пользовался его услугами и созванивался с ним три недели назад. А три дня тому назад Рокотов сам позвонил ему. Нужно выяснить, встречались ли они за это время. Так что к Рокотову непременно придется съездить. Начнет темнить – везти к нам.

– Ясно. Но я по выражению твоих глаз понимаю, что это еще не все, да? – Гуров вопросительно посмотрел на Орлова.

– Не все, – подтвердил генерал-лейтенант. – Тут вот такая интересная штука имеется. В мобильнике Волошина обнаружен «жучок».

Гуров с Крячко синхронно взглянули на Орлова.

– «Жучок», – повторил тот. – То есть кто-то подслушивал его разговоры.

– Источник не определили?

– К сожалению, нет. Иначе я уже отправил бы вас по адресу. А определить навскидку вряд ли получится. Ясно, что это сделал тот, кто имел доступ к телефону Волошина. А это могут быть как домочадцы, так и коллеги. Включая, к примеру, секретаршу.

– Да и домработница могла бы, – задумчиво сказал Гуров. – Не сама, конечно. Ее могли использовать как инструмент. Но вот кто? И связано ли это со смертью Волошина? Да, вопросов у нас пока что гораздо больше, чем ответов.

– Сегодня мы их все равно не получим, – сказал Крячко. – Может, все же оставим дела на завтра, а сейчас по домам?

– Пожалуй, да, – решил Орлов. – Значит, ты, Стас, утром сразу поезжай к Магнитскому. Экспертов я туда пришлю. А ты, Лева?.. – Он повернулся к Гурову.

– Нотариус плюс остальные посетители, – коротко ответил тот.

– Ну, тогда все! – Орлов легонько хлопнул ладонями по крышке стола.

Гуров с Крячко попрощались с генерал-лейтенантом и отправились по домам.

Глава 5

– Вы не имеете права! – категорически заявил Виталий Магнитский. – Не можете изымать мои препараты! Это личные разработки! На многие из них у меня есть авторские права, а на остальные я собираюсь их получить в ближайшее время!

– Да не волнуйтесь вы так, Виталий Игоревич, – невозмутимо отозвался полковник Крячко. – Никто не собирается претендовать на авторство ваших придумок.

– Знаю я!.. – Магнитский погрозил пальцем. – Все только и стремятся вывести формулу, чтобы потом вывести из нее препарат, присобачить к нему новое название и выдать за собственное изобретение! Не выйдет! – четко произнес он, крутя полусогнутым пальцем прямо перед носом Крячко.

Тот спокойно отвел длинную руку Магнитского и приказал оперативникам, сопровождающим его:

– Приступайте!

– Вы не имеете права! – закричал Магнитский, бросаясь наперерез.

Стасу все это изрядно надоело. Он вытянул ногу, и долговязый тип распластался на полу. Крячко шагнул к нему, помог подняться и одновременно защелкнул наручники на его запястьях.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно произнес полковник полиции. – Больно уж вы нервный, Виталий Игоревич.

– Вы не имеете права, я буду жаловаться, – бубнил Магнитский. – Освободите мне руки! Осторожно! – выкрикнул он, видя, как оперативник начал сгребать склянки с полки.

Небольшая квартирка Магнитского напоминала скорее не жилое помещение, а то ли лабораторию, то ли цех по производству каких-то химикатов. Повсюду стояли колбы, пробирки, флаконы и банки, работал некий агрегат со стеклянными трубками, в котором насосом перекачивалась некая жидкость. На входе она была бледно-голубой, а на выходе имела ядовито-желтый цвет.

– Вы бы выключили это на всякий случай. – Крячко кивнул на непонятную штуку. – Неизвестно, что эта адская машина синтезирует. Может, надышимся и окочуримся тут все!

– Не трогайте аппарат! – не замедлил вмешаться Магнитский. – В нем должна поддерживаться постоянная температура, иначе все пойдет насмарку! Два месяца работы коту под хвост! Я вас уверяю, что ничего вредного там не синтезируется.

– Да? – с сомнением спросил Крячко. – А что же там варится?

– Там готовится новый препарат против астмы! – заявил Магнитский. – Когда опыт будет закончен и средство синтезируется, можете испробовать его на себе.

– У меня нет астмы, – буркнул Крячко.

– Жаль, – искренне проговорил Виталий Игоревич. – Иначе вы смогли бы осознать, насколько уникален этот препарат! Он принципиально отличается от всех, которые были созданы прежде! Ни одно современное средство не дает столь положительного результата. Астма исчезает навсегда!

– Так, ладно. – Крячко дернул Магнитского за скованные руки. – Пойдемте-ка на кухню, а то вы здесь не способны спокойно говорить.

– Но мои образцы!.. – Магнитский с ужасом следил за манипуляциями оперативников, которые, не слишком церемонясь, ставили пробирки в специальный контейнер с углублениями. – Я вас умоляю – осторожнее! Это же все бесценные для науки образцы! Как вы не понимаете!

– Тихо! – рявкнул Крячко. – Пока что ваши образцы мы считаем орудием убийства. Ясно? Так что утихомирьтесь и ответьте на вопросы.

– Какого убийства? – Магнитский широко раскрыл глаза. – Я не убийца! Я целитель!

– Пошли! – Крячко подтолкнул его в сторону кухни. – Знаешь, сколько я всяких целителей повидал! Похлеще тебя будут!

Магнитский бросил тоскливый взгляд на свои пробирки, но покорно пошел за Крячко. В кухне было ужасно тесно. Тут тоже наличествовали всевозможные препараты в различной таре и агрегаты, необходимые для их приготовления.

Безуспешно поискав глазами свободное место, Крячко махнул рукой и устроился на подоконнике, который также был заставлен пузырьками. Станислав без всяких церемоний сдвинул их в сторону и уселся на освободившееся место. Магнитского он пристегнул к батарее. Изобретатель никак не мог успокоиться. Он постоянно крутил головой в сторону комнаты, прислушивался и все время порывался пройти туда.

– Слушайте меня! Вы записывались на прием в департамент по развитию малого и среднего бизнеса? – спросил Крячко.

Магнитский ответил, что да.

– А почему не пришли?

– Потому что... – Магнитский вдруг замолк, и Крячко вынужден был повторить вопрос.

– Это мое личное дело! – выпалил Магнитский.

– Вы раньше виделись с Волошиным?

По словам Магнитского, он полгода назад пришел в департамент, чтобы убедить тамошних чиновников в необходимости приобретения лаборатории для проведения его исследований. Чиновник выслушал визитера, однако, не вникнув в суть, отказал в выделении средств. Виталий Игоревич пытался его переубедить, но безуспешно. В итоге ему пришлось ретироваться ни с чем.

– И вы, обозленный, решили отравить Волошина, – закончил за него Крячко.

– Кто это? – спросил Магнитский с таким искренним удивлением, что Крячко, безусловно, поверил бы ему, не работай он опером добрых три десятка лет.

Станислав подавил вздох и, чеканя слова, ответил:

– Волошин Вадим Юрьевич, чиновник из департамента поддержки малого и среднего бизнеса. Вы записывались к нему на прием.

– Ну да, записывался. – Магнитский растерянно пожал плечами. – Но я никого не убивал! Я даже не был в департаменте!

– Среди ваших бесценных лекарств есть яды? – прямо спросил Крячко.

– Ну, допустим, есть! И что? Я же не использую их для убийств!

Крячко смерил его тяжелым взглядом.

– А вот это мы выясним, – пообещал он.

Затем Станислав прошел в комнату, где оперативники собрали уже почти все образцы.

– Значит, так, все остальное – на кухне, в ванной, кладовой, везде, где найдете, – тоже на анализ, – распорядился он. – Этого кренделя я забираю с собой. Как только будут результаты, немедленно сообщить нам.

– Понял, – заявил эксперт, присутствующий здесь вместе с оперативниками. – Но слишком быстро не ждите. Их тут вон сколько, образцов-то! На исследование некоторых из них может уйти не один час.

– В общем, как можно скорее! – отрезал Крячко.

Затем полковник прошел в кухню, отстегнул Магнитского от батареи и повел за собой вниз, где усадил в служебную машину.

– Теперь твоими препаратами специалисты займутся, – сообщил он понурившемуся изобретателю. – Пока ты никого больше не отравил. – Потом Стас скомандовал водителю: – В главк!

Нотариус Рокотов начинал свою работу в девять часов утра. Поскольку сегодня была среда, а время приближалось к половине десятого, Гуров надеялся застать Аркадия Вениаминовича в конторе, помещение для которой тот арендовал на Ленинском проспекте.

Полковник Гуров подъехал туда в девять ноль-ноль и увидел, что контора Рокотова уже работает. Он припарковался на противоположной стороне и уже собрался выйти из машины, как вдруг увидел, что к конторе подъезжает серебристая «Хонда». Само по себе это обстоятельство было малоинтересным, если бы не человек, сидевший за ее рулем.

Лев Иванович сразу же узнал Елену Волошину. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что у нее какое-то дело к Аркадию Вениаминовичу. Гуров сразу передумал выходить, решил дать возможность Волошиной первой посетить нотариуса.

Та явно нервничала и торопилась, потому что только с третьей попытки кое-как втиснула свой автомобиль на площадку между двумя иномарками. Затем женщина вышла из машины, на ходу щелкнула пультом сигнализации и быстро застучала каблучками, направляясь к входу в контору.

Практически в это же мгновение зазвонил сотовый телефон полковника.

– Лев Иванович! – послышался голос оперативника, осуществлявшего наружное наблюдение за Волошиной. – Я вас вижу. Сообщаю, что Елена только что направилась к нотариусу.

– Спасибо, Саша, – поблагодарил Гуров. – Я ее тоже вижу. А вот тебя нет. – На всякий случай он посмотрел по сторонам, но ни машины оперативника, ни его самого не обнаружил. – Молодец, чисто работаешь, – похвалил Лев Иванович.

– А то! – довольно отозвался опер. – Я, собственно, почему с вами связываюсь – мне продолжать за ней следить или вы этим займетесь?

– Давай так, – принял решение Гуров. – Дождемся ее выхода, и ты отправишься за ней, а я – к Рокотову. Когда закончу, я тебя наберу, и ты мне сообщишь о ее дальнейших передвижениях. Если же будет что-то срочное, звони сразу же.

– Вас понял, – сообщил оперативник.

Полковник откинулся на подголовник и ждал, внимательно следя за дверью в контору Рокотова.

Елена Волошина пробыла у нотариуса более получаса. Когда она вышла оттуда, по выражению ее лица невозможно было понять, удовлетворена она беседой или нет. Оно скорее выглядело озабоченным, чем счастливым. Елена села за руль и тронулась с места.

Гуров тщательно следил за ее машиной, пытался вычислить оперативника, присматривавшего за ней, но ему это не удалось. Оно и к лучшему! Значит, Саша и на самом деле действовал грамотно. Скорее всего, он припарковался за углом, чтобы не светить свой автомобиль, а теперь проедет по другой улице и настигнет Елену на центральной дороге за перекрестком.

Лев Иванович не волновался. Опер знал свое дело и упустить Елену не должен был. Да она, кажется, и не подозревала о слежке. Во всяком случае, по сторонам не смотрела, машины Гурова, а также его самого точно не заметила.

Полковник пересек улицу и позвонил в домофон на двери конторы Рокотова, услышал женский голос и представился. Секретарша извинилась и попросила его подождать, а сама, видимо, поспешила к своему шефу доложить о прибытии сотрудника Главного управления уголовного розыска. Нотариус не стал противиться встрече с полковником. Вскоре Гуров вошел в его кабинет, в котором, кроме самого Рокотова, больше никого не было.

– Приветствую! – Он склонил голову, пытливо глядя на сыщика из-под очков в тонкой оправе.

– Аркадий Вениаминович, дабы не тратить впустую ни свое, ни ваше время, я сразу перейду к делу, – начал Гуров. – Мои вопросы связаны с убийством Вадима Юрьевича Волошина, которое произошло вчера.

– Как убийством? – Нотариус нахмурился. – Я слышал, что это было пищевое отравление.

– Что отравление, несомненно, – подтвердил полковник. – Только вот не пищевое. Но к вам я пришел не ради выяснения фармакологических подробностей. Меня интересует, с какой целью вы встречались с Волошиным три недели назад. Кроме того, важны подробности его завещания. В данной ситуации, когда человек умер насильственной смертью, вы обязаны предоставить мне такие сведения.

Рокотов помолчал, переваривая услышанное, потом согласно кивнул.

– Конечно, – негромко произнес он. – Но я, простите, не понимаю, для чего вам это нужно. Сведения я, разумеется, предоставлю. Но между нами – они вряд ли помогут в расследовании.

– Почему вы так уверены? – осведомился Гуров, приподняв бровь.

– Да потому, что наследниками Волошина являются самые близкие ему люди. Не думаете же вы, что сын или дочь стали бы его убивать?

– Сын или дочь вряд ли, хотя я сталкивался и с подобными случаями. А вот жена, к примеру...

– Людмила? Бросьте! – Рокотов даже усмехнулся. – Она и без наследства прекрасно обеспечена. К тому же Вадим Юрьевич при жизни выделял ежемесячно довольно крупную сумму и на ее существование, и на детей, хотя они уже давно совершеннолетние! Но такова была его воля.

– Вообще-то жена Волошина не Людмила, а Елена, – медленно проговорил Гуров, внимательно следя за взглядом нотариуса, казавшимся честным и открытым.

– А Елене вообще незачем его убивать, – убежденно проговорил Рокотов. – Она не является наследницей по завещанию.

– А как супруга? – уточнил Гуров.

– Это другое дело, – сказал Рокотов. – Но и здесь ей достанется не бог весть что. Большую часть имущества Волошин приобрел до брака с ней, так что оно не может считаться совместно нажитым.

– Что же она так оплошала? – спросил полковник. – Не подстраховалась заранее, а?

– Ну, такого рода подробности мне неизвестны. – Аркадий Вениаминович развел руками. – Это личные дела.

– А знаете, я бы вам, скорее всего, поверил, – заявил Лев Иванович.

Нотариус бросил на него осторожный взгляд и спросил:

– Что вы имеете в виду?

– Поверил бы, – подчеркнул Гуров, – если бы своими глазами не видел Елену Волошину, которая вышла от вас пять минут назад. Разговор ваш длился несколько дольше, чем если бы вы просто сообщили этой даме, что ей ничего не светит. Она, кстати, и так это знала. Так зачем приезжала? Только не говорите, что вы просто мирно пили чай в течение сорока минут.

Рокотов продолжал молчать, раздумывая, и Гуров добавил:

– В связи со звонком от Волошина и вашей встречей три недели назад я могу предположить, что вы решали какие-то вопросы. Елене, скорее всего, что-то из этого стало известно, потому она и приехала. Я прав?

Нотариус несколько раз сложил губы трубочкой, словно мысленно формулировал фразу так, чтобы она ничего не значила.

Наконец он ответил:

– Вадим Юрьевич хотел произвести кое-какие изменения в финансовых делах.

– Аркадий Вениаминович! – не выдержал Гуров. – Может быть, мы перестанем ходить вокруг да около? Вы же понимаете, что после такого ответа я неизбежно спрошу вас, что за изменения! Я предложил вам не тратить время понапрасну, и мне показалось, что вас это устроило! Теперь же вы словно нарочно сами его отнимаете!

– Ну, хорошо. – Рокотов примирительно посмотрел на полковника. – Просто вы должны меня тоже понять как профессионал профессионала. Я обязан соблюдать этические моменты по отношению к своему клиенту, даже если он мертв!

– Он убит, – внес поправку Гуров. – Задержание преступника во многом может зависеть от вас. Это, заметьте, тоже немаловажный этический момент. Не говоря уже о правовой его составляющей!

– Да тут, собственно, нет большой тайны. Волошин собирался составить новое завещание. Над этим мы с ним и работали. Вас интересуют подробности?

– Вы еще спрашиваете? Разумеется! – уверил его полковник. – И само завещание я у вас тоже вынужден попросить.

– Да дам я вам это завещание! Но оно не имеет особого значения.

– О как! – восхитился Гуров. – Это почему же?

– Да потому что, подчеркиваю, мы только начали над ним работать. То есть оно не оформлено до конца и не заверено, следовательно, не имеет юридической силы, – пояснил Рокотов.

Гуров задумался. Факт этот в данных обстоятельствах казался ему важным, и он решил выяснить всю подноготную.

– Итак, давайте с самого начала, – заявил полковник полиции. – Когда было составлено предыдущее завещание и в чью пользу?

– Шесть лет назад, – тут же ответил Рокотов. – Состояние Волошина делилось поровну между его первой женой и детьми. Тогда он еще был женат на Людмиле. Насчет детей, правда, есть некоторые оговорки. В частности, они должны были получить свои доли только по достижении двадцати одного года. К нынешнему моменту оба – и Сергей, и Даша – уже достигли этого возраста.

– А каковы условия нового завещания? Полагаю, они существенно отличаются, не так ли?

– Да, весьма. С момента составления предыдущего завещания прошло немало времени. Многое изменилось.

– И в первую очередь брак с Еленой, да? – подсказал Гуров.

– И это тоже, – согласился нотариус. – По условиям нового завещания Елена должна была наследовать определенную сумму денег, квартиру, в которой они сейчас проживают, вместе со всем имуществом, ну и еще кое-какие мелочи. Остальные деньги делятся между его детьми.

– А Людмила в новом завещании не фигурирует? – уточнил Гуров. – Ее место заняла Елена?

Нотариус развел руками, давая понять, что, увы, такова жизнь. Бывшие жены, как правило, котируются не столь высоко, как настоящие.

– А Людмиле было известно о новом завещании?

– Понятия не имею. Если и да, то точно не от меня, – отксертил Рокотов. – Да, еще кое-какую сумму, весьма незначительную, получает Сурен Саркисов. Это лечащий врач семьи. Он много лет наблюдал всех без исключения Волошиных, особенно Дашу, конечно.

– А почему ей такое особое внимание? – удивился Гуров.

– Она с рождения испытывала серьезные проблемы с сердцем.

– Именно серьезные? – Гуров нахмурился.

– Да, кажется, были. Но сейчас вроде бы все в порядке. Я точно не знаю, поскольку не врач.

– А откуда о завещании стало известно Елене? Возможно, ей об этом сказал сам супруг? – предположил Гуров.

– Это могло бы случиться, но уже после того, как завещание было бы полностью готово. А оно так и осталось в подвешенном состоянии.

– Кстати, а почему? Что мешало Волошину довести дело до конца?

Рокотов вздохнул и ответил:

– Он раздумывал над тем, чтобы внести в текст еще кое-какие изменения, касающиеся его сына.

– Сергея?

– Ну, насколько мне известно, у него только один сын. – Рокотов с улыбкой развел руками.

– Так, теперь давайте максимально по существу, – заявил Гуров суховатым деловым тоном. – Когда конкретно это было, что за изменения, чем руководствовался Волошин-старший? И не заставляйте меня каждую минуту задавать вам наводящий вопрос!

– Это было ровно три недели назад, – принялся рассказывать нотариус. – Вадим позвонил мне, сказал, что есть дело. Мы назначили встречу. Все происходило здесь, в моем кабинете. Вадим приехал и сказал, что придумал вариант, который кажется ему самым подходящим. Он хотел отделить Сергею определенную часть своего имущества с тем, чтобы тот сам ею распоряжался. То есть не после смерти отца, а прямо сейчас.

– Вот как? И значительную часть? – заинтересованно подняв бровь, спросил Гуров.

– Достаточную. – Нотариус назвал сумму.

– А как до этого строились финансовые отношения между отцом и сыном?

– Официально – никак. Я вам уже говорил, что дети Вадима Юрьевича достигли совершеннолетия. По закону он не обязан их содержать. То есть они просто становились наследниками в случае его смерти – это по условиям первого завещания. Волошин же добровольно выделял средства своей бывшей супруге, но при этом контролировал расходы. То есть между ними было оговорено, что Сергей не получает больше отведенной суммы. Кажется, она составляла около двадцати тысяч в месяц.

– Рублей? – уточнил Гуров.

– Естественно, рублей. – Рокотов снова улыбнулся.

– Откровенно говоря, негусто, а? Для чиновничьего сынка? – Лев Иванович подмигнул Рокотову, и улыбка того стала шире.

– Да, негусто. Но Вадим специально это оговорил, чтобы Людмила не поддавалась на провокации Сергея. В противном случае он обещал вообще прекратить финансирование сына. Сережа, конечно, был этим недоволен и предъявлял отцу претензии. Мол, тот хочет, чтобы ему целовали руки за жалкие подачки. К слову сказать, такая категоричность ничуть не мешала ему эти подачки благосклонно принимать.

– А что же он так с родным сыном-то?..

– Видите ли... – Рокотов вздохнул. – В какой-то степени я его понимаю. Скажите, у вас есть дети?

– Нет, – признался Гуров.

– Тогда вам будет непросто понять Волошина как отца. Постарайтесь оценить его действия хотя бы как представитель правоохранительных органов, хотя это и не слишком корректное сравнение. Понимаете, в этом был элемент воспитания.

– А вам не кажется, что попытки воспитания двадцатидвухлетнего сына предпринимались несколько поздно? – осведомился Гуров и прищурился.

– Не совсем так. Вадим старался не распускать и не баловать сына не из вредности или тем более жадности. Он был убежден, что это ему же на пользу. Сережа, откровенно говоря, мало чего достиг и почти ни к чему не стремился. А Вадим очень не любил праздности. Он больше всего боялся, что сын так и не реализуется в жизни, не станет самостоятельной личностью, не будет представлять собой ничего значительного. Такими строгими ограничениями он пытался выработать в нем ответственность, самостоятельность, целеустремленность.

– Что ж, это я вполне могу понять, – согласился Гуров. – А чем вообще занимается Сергей в настоящее время?

– Числится в автодорожном институте. – Именно числится, – повторил Рокотов.

– Ясно. И все же Волошин решил внести изменения в такое положение вещей, причем официально. Вы знаете, чем это было вызвано?

Рокотов вздохнул, некоторое время посидел в задумчивости и наконец-то произнес:

– Я могу назвать вам причину, но не знаю, почему она сказала именно в это время. Если и был какой-то движущий момент, то мне о нем ничего не известно.

– Давайте хотя бы причину, – попросил Гуров, не совсем поняв, что Рокотов имеет в виду.

– Просто Волошин своего сына пожалел, – ответил тот.

– И все? Вот так просто? А раньше, значит, не жалел? – В голосе Льва Ивановича прозвучала ирония.

Рокотов снова вздохнул, досадуя на то, что полковник никак не может вникнуть в сложную суть отношений между отцом и сыном Волошиными.

– Цель его осталась прежней – помочь Сергею самостоятельно добиться успеха. Он захотел лишь изменить средства. Вадим Юрьевич переосмыслил собственное поведение, решил, что сына лучше не ограничивать, а дать ему возможность проявить себя. Проверить, на что он способен. Он хотел не просто отвалить ему денег, чтобы тот тратил их бесконтрольно, – ни в коем случае! Тут, кстати, я и сам вынужден был бы вмешаться и дать совет не делать этого. Он хотел, чтобы на эти средства было куплено дело, которым Сергей занялся бы.

– А что за дело? – полюбопытствовал Гуров.

– Этот вопрос Волошин должен был обсудить с сыном, – ответил Рокотов. – На его усмотрение. То, что он счел бы интересным и посильным для себя.

– А теперь слушайте внимательно и отвечайте точно, – медленно произнес Гуров. – Он только собирался обсудить этот вопрос с сыном или уже поговорил с ним? То есть я хочу знать, было ли известно самому Сергею о том, что его ожидает?

– На этот вопрос я могу ответить абсолютно точно: я этого не знаю! – Рокотов развел руками и попытался улыбнуться, но осекся под жестким взглядом полковника и добавил, будто оправдываясь: – Действительно не знаю! Наша повторная встреча с Волошиным по этому вопросу должна была состояться через неделю. Он брал месяц на полное обдумывание проблемы и согласование с сыном всех вопросов. Через неделю Сергей уже точно должен был бы об этом знать. Но в курсе ли он сейчас – это вопрос.

«Еще один, – подумал Гуров. – В бесконечной череде других вопросов».

– Итак, Аркадий Вениаминович, давайте подведем итог, – медленно произнес полковник. – Три недели назад Вадим Волошин решил изменить предыдущее завещание. Новые условия выгодны его нынешней жене Елене, но никак не Людмиле.

– Ну, я не стал бы формулировать столь категорично, – начал Рокотов. – По-вашему получается, что Людмила остается без гроша, но это не так. Вадим Юрьевич уже выделил ей достаточно средств, я уверен. Так что бедствовать ей не придется в любом случае.

– Тем не менее она лишается довольно большой суммы, – проговорил Гуров. – Дочь Дарья остается, что называется, при своих. И есть еще один человек, который сильно выигрывает от условий нового завещания Вадима Юрьевича – это его сын Сергей.

– Но завещание не успело вступить в силу, – напомнил нотариус.

– Вы так и не ответили почему, – в тон ему проговорил Гуров.

– Да потому, что Вадим сомневался в правильности своего решения! – воскликнул Рокотов. – Кстати, я сам посоветовал ему не торопиться и хорошенько все обдумать. Характер у Сережи и на самом деле своеобразный. – Нотариус пошевелил пальцами и добавил: – Неустойчивый.

– Это я уже понял, – пробормотал Гуров, вспомнив сцену в департаменте, описанную Катей, секретаршей Волошина. – Давайте вернемся к Елене. Вы сообщили ей о том, что завещание не заверено?

– Видите ли, поскольку Елена не является сотрудником полиции, я не обязан перед ней отчитываться так, как перед вами. – Нотариус почтительно склонил голову. – Поэтому мои ответы носили, скажем так, характер некоторой неопределенности. Я ответил на все ее вопросы, но ушла она от меня фактически ничуть не более просвещенной, чем до визита сюда.

– И у вас нет соображений, откуда Елена узнала о завещании? Вы даже не поинтересовались? – не скрывая недоверия, спросил Гуров.

– Уважаемый Лев Иванович! Я не стал задавать ей лишних вопросов, поскольку не собирався вводить Елену в полный курс дела. Поверьте, мне так живется куда спокойнее!

Нельзя сказать, что Гуров так уж поверил нотариусу, но больше на эту тему расспрашивать его не стал, зная, что получит ответ у новоиспеченной вдовы.

Вместо этого сыщик поинтересовался другим:

– Я так понимаю, Елену волновало, имеет ли она право претендовать на наследство на основе этого незаверенного заявления?

– Ну, примерно где-то как-то так, – сказал Рокотов, у которого, видимо, выработалась профессиональная привычка отвечать уклончиво.

– И как на самом деле – имеет? – спросил полковник и пристально посмотрел на нотариуса.

– Иметь-то имеет, – с усмешкой проговорил тот. – Вопрос в том, каковы шансы. Могу сказать, что если бы она пыталась отстаивать свои права в суде, то они не были бы велики. Поскольку завещание не заверено, то его как бы и нет. Она могла претендовать на что-то лишь как вдова Волошина.

– А если откровенно, Аркадий Вениаминович, что все-таки ждет Елену? Неужели полная нищета? – Гуров насмешливо смотрел на нотариуса.

– Если откровенно, то, скорее всего, все не так уж плохо. Я ей так и сказал. То есть посоветовал решить проблему миром, договориться. Скорее всего, Людмила не станет выживать ее из квартиры, поскольку сама не нуждается в недвижимости. К тому же имущественные дразги ниже ее достоинства.

– Ой ли? – Гуров с сомнением сощурился. – Только не говорите мне о блестящем воспитании и врожденной интеллигентности! Я хоть и не нотариус, но с подобными ситуациями по службе сталкиваюсь постоянно. Опыт убедил меня в том, что, когда речь идет о деньгах, вся интеллигентность и культура, как правило, сходят на нет.

– Да вы поймите, если бы вопрос стоял ребром – Людмиле все, а Елене ничего, либо наоборот, – то, конечно, она отстаивала бы свои интересы. Но здесь не тот случай. Людмиле не надо заботиться о куске хлеба – она достаточно обеспечена до конца дней.

– А теперь, получив наследство, она повышает свой финансовый уровень на несколько порядков?

Нотариус посмотрел на Гурова с пристальным интересом.

– Уж не думаете ли вы, что Людмила отравила бывшего мужа ради наследства? – спросил он. – Отбросьте такую мысль! Я слишком хорошо знаю эту женщину. К тому же она еще и мать. Интересы детей для нее не пустой звук. А они примерно равны по старому и новому завещаниям. Второе для Сергея даже выгодней, но оно теперь не вступит в силу. Вот так. И вообще, мне кажется, что причины смерти Вадима Юрьевича стоит поискать в несколько иной сфере.

– В какой же? – полюбопытствовал Гуров, уже вставая со стула.

– В служебной, – наконец-то прямо ответил Рокотов.

– Вам известно о каких-то проблемах на его службе? – уточнил сыщик.

– Нет, – ответил Рокотов и развел руками. – Я лишь предполагаю. Просто я слишком хорошо знаю членов этой семьи. Поверьте, никто из них не стал бы травить Вадима. Никто.

Выйдя от Рокотова, Гуров задумался над дальнейшими планами. Конечно, сведения, полученные от нотариуса, представляли ситуацию в несколько ином свете. Утренний визит к Рокотову вдовы Волошина настойчиво требовал, чтобы Лев Иванович как минимум переговорил с ней.

Он достал сотовый и набрал номер оперативника, следившего за Еленой.

– Кафе «Арена», – коротко проинформировал тот. – Встречается с каким-то мужчиной. Разговор, увы, прослушать невозможно.

– Ты его отснял? – спросил Гуров.

– А как же! Во всех ракурсах. Вместе и поврозь. Типичный такой мачо с трехдневной небритостью.

– Все как всегда: молодой любовник при пожилom муже, – сказал Гуров и усмехнулся.

Неудивительно, что Елена помчалась с утра к нотариусу. Вопрос наследства, похоже, очень волнует не только эту особу, но и ее бойфренда.

– На телефон Елены сегодня поступил звонок с одного номера, – продолжал оперативник. – С того же самого, с которого ей звонили в день смерти мужа. Думаю, наш любовничек ее и побеспокоил.

– На кого зарегистрирован номер? – спросил Гуров.

– На Навоева Артура Георгиевича. Думаю, это и есть ее визави. Но надо проверить, конечно.

– Надолго у них свидание, как думаешь? – спросил полковник опера.

– Мне кажется, что скоро они закрулятся, – ответил Саша. – На свидание это мало похоже. Скорее на какую-то деловую встречу. По лицу Елены видно, что она ей неприятна. Да и он сидит с кислым видом.

«Что ж, тоже ничего удивительного, – подумал полковник. – По сведениям, полученным от Рокотова, оба голубка сделали вывод, что им ничего не светит от пирога Волошина, разве что малюсенький кусочек. Есть от чего загрустить».

– На чем он подъехал, видел?

– Да, машинку срисовал. Черный «Опель», довольно-таки потрепанный. Номер диктовать?

– Давай. – Гуров записал названные цифры в блокнот. – И скинь мне его фото на телефон.

– Уже, – отозвался Саша.

Гуров раскрыл изображение и увидел тип мужчины, который был ему мало приятен. Зато такому симпатизировали очень многие женщины. Среди них, значит, и Елена Волошина. Банальный любовный треугольник.

Сыщик тут же отправил фото Станиславу и попросил пробить этого субъекта.

– Так, деньги достает, – тем временем быстро проговорил оперативник. – Похоже, они прощаются.

– Проследи, вместе выйдут или нет и куда направятся, – деловито сказал Гуров и отключил телефон.

Через пару минут Саша позвонил сам:

– Елена расплатилась за себя сама, села в свою машину и покатила по Комсомольскому проспекту в сторону Воробьевых гор. Мачо сидит в своем «Опеле» мрачнее тучи и кому-то звонит.

– Вот что, Саша! – торопливо проговорил полковник. – Ты езжай за этим мачо, а вдовушку я беру на себя.

– А потом? Наружку возобновлять? – осведомился тот.

– Потом будет ясно. Дальнейшие указания получишь дополнительно. – Гуров прекратил разговор и направил машину в сторону МГУ.

Пока он ехал, на его телефон пришло сообщение от Станислава Крячко:

«Лева, я категорически не одобряю твоего вкуса».

Полковник чертыхнулся, собираясь позвонить Станиславу и сказать все, что думает по поводу его шуточек во время работы. Но тут телефон возвестил о получении нового сообщения.

«В нашей базе этого фрукта нет, – написал Крячко. – Перезвони, у меня деньги кончатся».

– Перебьешься, – проворчал Гуров, прибавляя скорость.

Машину Елены ему удалось нагнать, когда она уже прошла три четверти пути до дома. Теперь полковник не спешил, просто спокойно следовал за авто Волошиной. Он был уверен в том, что та направляется домой. Когда Елена заворачивала во двор на улице Столетова, сыщик чуть притормозил.

Он оставил свой автомобиль за воротами, вышел из него и пешком направился во двор. Елена в этот момент поставила машину на сигнализацию и двигалась к подъезду. Полковник подошел сзади и взял ее под локоть.

От неожиданности Елена шарахнулась в сторону, затем быстро подняла на Гурова глаза. Она по-прежнему была в темных очках, на щеках виднелись красные пятна.

– Господи, это вы! Как я напугалась! – проговорила она, отступая на шаг.

– А вы кого ожидали увидеть? – поинтересовался Гуров.

– Я? Никого! Просто вы появились очень уж неожиданно. Это ваши обычные манеры?

– Нет. – Гуров покачал головой. – Вообще-то я доволен своим воспитанием. Но в некоторых случаях у меня и в самом деле проявляются не слишком хорошие манеры. Когда, к примеру, меня пытаются водить за нос. – Он холодно посмотрел на Волошину.

Та вздернула нос и спросила с вызовом:

– Это вы обо мне?

– О вас и вашем друге, – спокойно проговорил Гуров.

– Я не понимаю... – начала было Елена, но полковник не желал тратить время на пустую перепалку.

Он молча достал свой телефон и продемонстрировал женщине изображение ее спутника, а также кадры, где они были сняты вместе.

Волошина вспыхнула.

– Вы что, следили за мной? – резко спросила она. – Это... Это подло! Использовать такие шпионские штучки – это низко!

– Давайте оставим высокий штиль, – заявил Гуров и поморщился. – Вы мне солгали, Елена Викторовна. Вас, во-первых, очень интересует завещание вашего мужа и наследственные права, связанные с ним. Во-вторых, вы скрыли наличие у вас любовника.

– Это неправда! – вскрикнула Елена.

– Да что вы говорите? – иронично спросил Лев Иванович. – Эти снимки говорят сами за себя. Думаю, вы скрыли от меня и многое другое. Куда вы ездили утром в день убийства вашего мужа? Почему не сказали, что вам известно о том, что Вадим Юрьевич готовил новое завещание? И почему на вас темные очки? – Гуров обрушивал на вдову вопросы один за другим, наступая на нее.

Та невольно делала шаги назад. Сыщик подошел совсем вплотную и резким движением сорвал с Волошиной очки. Под ее левым глазом он увидел лиловый синяк, тщательно замазанный тональным кремом.

– Скандалы с любовником или с мужем, который об этом узнал?

Елена слегка вздрогнула.

– Отдайте очки! – Она протянула руку. – Мы в публичном месте, меня могут увидеть. Вы этого хотите?

Гуров протянул ей очки и сказал:

– Нет, я хотел убедиться. Мне достаточно того, что я увидел сам. Если вам не нравится беседа на людях, могу препроводить вас к нам, в Главное управление уголовного розыска. Впрочем, мне так или иначе придется это сделать.

– Да зачем в управление-то? – в отчаянии воскликнула Елена, но тут же понизила голос: – Я вас уверяю, это совсем не то, что вы думаете! Если хотите, мы можем спокойно поговорить у меня дома. Вы убедитесь в том, что я говорю правду.

– Я привык верить фактам, Елена Викторовна, а не словам, – ответил полковник. – А они говорят о том, что ваш муж, скорее всего, узнал о наличии у вас любовника. Разразился скандал, возможно, он вас ударил. Вот откуда синяк. Вы знали о готовящемся завещании. Возможно, лишь поверхностно, и думали, что оно уже готово и вступило в силу. Вы понимали, что в свете открывшихся обстоятельств ваш супруг, скорее всего, изменит его коренным образом. Возможно, он разведется с вами. Вам надо было действовать быстрее, и вы подмешали ему яд. Никто не видел утром, спали вы или нет, все это только ваши слова. Вы проводили мужа, изображая заботливую жену и приготовив ему кофе с ядом, а затем поехали на встречу со своим любовником. Вы с ним договорились, что сегодня встретитесь с нотариусом и выясните все подробности. Правда, господин Рокотов вас несколько разочаровал, но все же развода не состоялось. Кое-что вы, как законная жена, все равно получаете. А теперь скажите, где в моей версии слабое звено? – Он в упор посмотрел на Волошину.

Женщина надела очки и скрыла глаза, но все равно чувствовала себя под взглядом полковника очень неудобно.

Тем не менее она взяла себя в руки и проговорила спокойно:

– Вы ошиблись с самого начала. У меня нет любовника.

– А это тогда кто? Ваш брат? – Гуров помахал перед ней телефоном.

– Это... – Елена закусил губу, словно раздумывая. – Давайте действительно поговорим не на людях. Домработницы сейчас нет, можно подняться ко мне.

– Давайте лучше пройдем в мою машину, – твердо предложил Гуров, крепко беря Елену под руку.

Она, не сопротивляясь, пошла за ним. Когда они устроились на передних сиденьях, Гуров в ожидании посмотрел на женщину.

– Я знала этого человека еще до замужества, – начала та.

– Имя! – потребовал сыщик.

Елена вздохнула и сказала:

– Артур Навоев. Мы встречались когда-то, это было очень давно. Потом я прекратила с ним всякие отношения. Но однажды – это было около полугода назад – мы случайно встретились на дне рождения у общего знакомого. Мужа со мной не было – ему не близка моя компания в силу возраста и разности интересов. Сначала все было мило и пристойно. Мы пообщались, потанцевали. Так уж получилось, что я выпила лишнего. Артур вызвался отвезти меня домой. И вот в машине так получилось!.. Вы меня понимаете? – Она подняла глаза на Гурова.

– Разумеется, – заявил тот. – Можете не утруждать себя интимными подробностями. Что произошло дальше?

– Мне и в голову не могло прийти, что Артур окажется таким скотом! – эмоционально воскликнула Елена. – Что он меня просто использует! А оказалось, что он специально меня напоил и подстроил все так, чтобы я оказалась у него в машине, ни черта не соображая! Он заснял весь процесс на камеру и впоследствии начал угрожать. Мол, я все расскажу твоему мужу!

– То есть Навоев вас шантажировал? – уточнил Гуров. – Надо же, какой ушлый парень! И что же вы? Платили?

– Заплатила только в первый раз, – отвернувшись к окну, неохотно сказала Елена. – Надеюсь, что он отстанет. Артур передал мне снимки и сказал, что все в порядке. Но прошло

три месяца, и он объявился снова. Тогда я поняла, что это ловушка! Ведь копий этих снимков можно надеть сколько угодно! У меня не было никаких гарантий, что после очередной выплаты Артур успокоится. Наоборот, у него мог разгореться аппетит.

– Разумеется, так оно и было бы, – подтвердил Гуров. – И что же вы ему предложили?

– Я тянула время как могла, выкручивалась, говорила, что у мужа сейчас сложности с финансами, а я сама не работаю. Потом наврала, что муж отобрал мою карту, потому что якобы заметил пропажу крупной суммы, когда я заплатила первый раз. Мол, он сказал, что я слишком много трачу. В общем, морочила ему голову, а сама мучительно соображала, как из этого выбраться.

– Вы решили, что можно избавиться от шантажиста, убив мужа? – спросил Гуров.

Елена в испуге посмотрела на него.

– Да вы что? Пойти на убийство мужа!.. За кого вы меня принимаете?

– За женщину, которая вышла замуж по расчету, рассчитывая в дальнейшем получить состояние мужа, – невозмутимо прокомментировал Гуров. – За женщину, у которой хватило мудрости не приставать к мужу с требованием составить завещание в ее пользу, а спокойно предоставить событиям идти своим чередом. За женщину, которая запаслась терпением, понимая, что рано или поздно муж переменит завещание. Вы прокололись только в одном – дали повод для шантажа. А в остальном – просто респект! Вы несколько лет добросовестно играли роль любящей жены так, что не подкопаешься.

– Вы ошибаетесь!

– В день смерти вашего мужа Навоев звонил вам утром. Потом вы поехали с ним на встречу, а почти сразу после нашей с вами беседы снова ему позвонили.

– Так это же естественно! – заявила Елена и усмехнулась. – Я узнала от вас о смерти Вадима и сообщила об этом Артуру, чтобы он больше ни на что не рассчитывал. Мне теперь наплевать на эти фотографии, пусть он хоть в Интернет их выкладывает! Я, знаете ли, не ханжа!

– Откуда у вас синяк? – негромко спросил Гуров.

Елена отвернулась.

– С Артуром поскандалили, – пробормотала она неохотно. – Как раз вчерашним утром, когда я еще не знала о смерти мужа. Я стала на него кричать, обозвала, и он меня ударил. Кстати, это тоже свидетельство того, что мы с ним отнюдь не любовники! Романтические свидания обычно синяками не заканчиваются.

– Но это еще не говорит о том, что смерть мужа была вам невыгодна, – парировал сыщик. – Шантаж это подтверждает.

Елена снова с вызовом посмотрела на него и сказала:

– Мало ли кому она выгодна! Например, его бывшей жене. Она с детьми получает все. А против меня, кроме надуманного мотива, у вас ничего нет. Ваша версия, какой бы логичной и стройной она ни была, лишена главного – прямых улик. Даже косвенных! Вы что, нашли яд у меня дома или в сумочке? На моих руках следы обнаружили? Нет и еще раз нет! А без этого все ваши версии ничего не стоят.

Елена уже вполне овладела собой. Ее первоначальное замешательство и страх прошли. В сущности, она была права. У Гурова не было достаточных оснований для предъявления ей официального обвинения. Орлов даже слушать его не стал бы. Полковник до конца не исключал версию о причастности Елены к убийству Волошина, но сейчас ему оставалось только распрощаться с этой женщиной.

А та вдруг проговорила:

– Вы можете все проверить. Побеседуйте с Артуром, к примеру.

– Он может все отрицать, – возразил Гуров. – Зачем ему признаваться в шантаже?

– Ну, хотя бы... я не знаю – проверьте наши телефоны! Мы с ним нечасто перезванивались. Уже одно это говорит о том, что между нами не было никакого романа.

– Да это уже и не очень важно, – проговорил Гуров. – Я возьму с вас подписку о невыезде, Елена Викторовна, и до свидания.

Елена быстро подписала бланк, протянутый Гуровым, и не стала задерживаться в его машине. Проводив ее взглядом, полковник выехал на дорогу.

Анализируя все факты и события, он подумал, что сейчас очень ему остро не хватает сведений.

«Мало того что пока так и нет полного заключения экспертов по всем пунктам, данных о существовании подводных камней в работе Волошина в департаменте. Ситуация с его перепиской с сыном тоже остается туманной. Не только с ней, но и вообще. Знал Сергей о готовящемся завещании отца или нет? Если знал, то зачем портил с ним отношения? Причастен ли он к явно преждевременной гибели Вадима Волошина?»

Одним словом, нужно как можно скорее найти Сергея. Но он как сквозь землю провалился! Оба номера, как принадлежащий Сергею, так и тот, с которого он отправил отцу СМС непосредственно перед его гибелью, были отключены».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.